

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Высоты Севанскаго острова. Между скаль видны развалины. Сумерки.

На одномъ изъ камней сидитъ **Игумень** и, опершись на руку, задумчиво смотритъ на землю. Изъ-подъ полуразвалившася свода медленно выходитъ **Неизвѣстный** въ бѣломъ.

Игумень—мужчина высокаго роста, у него густые волосы съ просѣдью; сидитъ съ непокрытой головой. У **Неизвѣтнаго** въ бѣломъ длинные черные волосы (тоже ничѣмъ непокрытые) и черная пышная борода, заплетенная по-ассирійски. Одно мгновеніе длится молчаніе.

Неизвѣстный въ бѣломъ (пронически).—Любуешься? Царствомъ своимъ любишься?

Игумень (угрюмо).—Кто ты?

Неизвѣстный.—Любуйся, любися! Смотри на эти немногія ветхія кельи, вѣдь ты построилъ ихъ; на ту часовню, что ты наскоро воздвигъ, и, наконецъ, взгляни на свою новую церковь, куполь которой день ото дня растетъ; вскорѣ на его вершинѣ ты своей рукой водрузишь крестъ.

Игумень.—Да, если Богу будетъ угодно.

Неизвѣстный.—Гляди и гордись! Вѣдь это все порожденіе твоей воли.

Игумень.—Кто ты?

Неизвѣстный.—Послушай, чернецъ, зачѣмъ собралъ ты этихъ людей въ черной одеждѣ и съ черной душой? Зачѣмъ пришелъ ты на этотъ древній островъ?

Игумень.—Кто ты?

Неизвѣстный.—Встань, встань! Прогони прочь снова въ жизнь эту несчастную мрачную толпу! Подите прочь, вы, желающіе иссушить чувства и погасить страсти! Прочь съ этого острова, вы—враги всякой красоты, всякой жизни и движенія, всякой силы и рожденія. Прочь, не оскверняйте священнаго рая моихъ боговъ!

Игумень.—Нѣтъ здѣсь рая. На этомъ островѣ я основалъ мой храмъ: отнынѣ все зовется здѣсь пустыней.

Неизвѣстный.—Пустыня?... На лонѣ этого смѣющася моря, подъ взорами живительнаго солнца... Прочь! старый храмъ боговъ подъ стопами твоими, прочь! съ порога старыхъ боговъ я говорю съ тобой!

Игумень.—Съ развалинъ старыхъ боговъ!

Неизвѣстный.—Развалины—камни эти, которые сложили подобные тебѣ; рухнуло ими сложенное. Но самъ храмъ жизни нерушимъ, какъ и сама жизнь. Осыпаются камни, мѣняются имена, но боги все живутъ и будутъ жить.

Игуменъ.—Здѣсь умерли твои боги!

Неизвѣстный.—Здѣсь и всюду, куда ступаетъ нога человека, они пребываютъ вѣчно и бессмертно!

Игуменъ.—Здѣсь умерли твои боги! На ихъ развалинахъ я основалъ храмъ моего Бога. Взгляни, во тьмѣ еще видны очертанья уже заостреннаго купола. Лишь духъ царитъ тамъ, тамъ царитъ лишь Божіе дыханье...

Неизвѣстный.—Тамъ царитъ страданіе и смерть...

Игуменъ.—Страданіе возвышаетъ душу, скорбь ее очищаетъ. И самое глубокое въ жизни—смерть.

Неизвѣстный.—Страданье—язва жизни, а смерть—разрушеніе ея.

Игуменъ.—Твоими устами говорить младенческое человечество.

Неизвѣстный.—Твоими устами говорить больное человечество.

Игуменъ.—Довольно! Кто ты, дерзающій?... Удались, тебѣ и твоимъ богамъ нѣтъ больше мѣста на этомъ островѣ.

Неизвѣстный.—Этотъ островъ—такой же міръ, какъ и весь міръ. Поклонись, заблудшій, вѣчнымъ богамъ!

Игуменъ.—Удались!

Неизвѣстный.—Признай, заблудшій, и поклонись!

Игуменъ.—Удались!

Неизвѣстный.—Придетъ день, и ты признаешь. (Исчезаетъ.)

Игуменъ (осматривается, неспокойно).—Кто это былъ? Исчезъ. Видѣніе, сомнѣніе?... (Вдругъ рѣшительно.) Нѣтъ, никогда! Нѣтъ міру доступа на этотъ островъ. Не долженъ міръ проникать на этотъ островъ. Нѣтъ, не долженъ!

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Площадь передъ строящейся церковью.

Съ одной стороны входъ въ храмъ, не имѣющій двери. Вокругъ постройки лѣсъ. Кое-гдѣ разбросанъ строительный матеріалъ, полуотесанные камни, грохотъ (сѣть для просѣиванія песку), лопата и пр.

Въ глубинѣ деревья, между стволами которыхъ виднѣется море. Въ продолженіе всей картины дуетъ вѣтеръ, временами очень бурный. Издалека доносятся шелестъ листьевъ и глухой гулъ моря.

I.

Подъ деревьями пробѣгаютъ нѣсколько каменщиковъ по направленію къ морю. Изъ глубины сцены быстро проходитъ звонарь съ длиннымъ шестомъ на плечѣ. Изъ церкви выходитъ отецъ **Адамъ**, суетаясь и стараясь вытянуть канатъ, конецъ котораго находится внутри нея.

Отецъ Адамъ (благочестиво).—Помоги, Господи, помоги, Господи!

Одинъ изъ каменщиковъ (плеть со стороны моря, вытирая руки; ноги и руки его голы).—Оставь, брось, святой отецъ, ужъ нѣтъ нужды! Выбрались, всѣ vybrались на берегъ!

Отецъ Адамъ. — Всѣ? Всѣ, говоришь ты? И упавшіе въ воду?

Каменщикъ.—Всѣ, хотя мы ужъ было потеряли надежду. Ну и бѣшеное море! Мы стояли растерянные, беспомощные. Вотъ-вотъ, казалось, ударить плоть о береговыя скалы и раскрошить и плоть, и всѣхъ сидящихъ на немъ. Они дешево отдѣлались, ей Богу.

Отецъ Адамъ.—Слава Тебѣ, Пресвятая Богородица! А кто свалился въ море, много ихъ?

Каменщикъ.—Всего лишь двое, нашъ инокъ да княжна.

Отецъ Адамъ.—Ухъ, такъ и она была съ княземъ? Ну, что-жъ жива, пришла въ себя?

Каменщикъ.—Да, вѣроятно. Отецъ со свитой понесли ее въ келью отца-игумена. Если-бъ ты видѣлъ, какъ поблѣднѣлъ князь.

Отецъ Адамъ.—Шутка ли, бѣдняга! Но кто велѣлъ имъ пускаться въ путь въ такую непогоду!

II.

Входятъ монахи: **Антонъ, Мовсееъ и Старый монахъ.**

Отецъ Мовсееъ.—Ну, а потомъ, потомъ?

Отецъ Антонъ.—Постой, постой, дай мнѣ хоть духъ перевести. „Потомъ, потомъ“. Спрашивать нетрудно, потомъ было ужасно! Охъ, у меня руки совсѣмъ отнялись. (Садится на высокій камень.)

Во время слѣдующаго разсказа присутствующіе приближаются къ разсказчику. Приходить нѣсколько рабочихъ, **монахи Лазарь, Давидъ и Захарья** и присоединяются къ слушающимъ.

Отецъ Мовсееъ.—Говори, говори!

Старый монахъ.—Постой, малецъ, дай ему прійти въ себя!

Отецъ Антонъ (на нѣкоторое время закрываетъ лицо руками, затѣмъ, вдругъ, раскрывая, говорить).—Мы проплыли уже больше полпути. То поднимались вверхъ на самый хребетъ волнъ, то спускались въ бездну, на плоту всѣ приросли къ своимъ мѣстамъ, поблѣднѣли и замолкли. Я и инокъ гребли изо всѣхъ силъ. Я осторожно обернулся; вижу, приближаемся къ берегу, но что тамъ дѣлалось: волны приливали и ударялись о скалы, и казалось, пѣнистыя горы встаютъ передъ нами. Что грѣха таить, сердце мое замерло, думаю: кончено. Но въ отчаяніи я вновь налегъ на весла: „О, Иису-

се Христе, — проговорилъ, — держитесь крѣпче, не бойтесь“. Не успѣлъ я этого сказать, вижу, исполинская волна, какъ бы вдали оторвавшись отъ суши, движется прямо на насъ. (Поднимаясь на ноги.) А дальше... какъ передать... знаю, что плотъ вдругъ сильно накренился, повисъ надъ зіяющей пропастью... вдругъ пронзительный крикъ, что-то сорвалось съ нашего плота... скользнуло въ эту бездну... „Дочь, моя дочь“. Поднялся шумъ, смятеніе... едва я понялъ, въ чемъ дѣло, какъ сбоку вскочилъ инокъ, быстро сбросилъ съ себя подрясникъ, прыгнувъ въ воду. Плотъ сильно качнулся, я остался съ однимъ весломъ, хорошо, что сама волна гнала, но я зналъ, что она вернется. И если-бъ вы со скаль не бросили бы вб-время каната, мы всѣ погибли-бъ. Запоздай вы на полмгновенія, на полмгновенія только, все было-бъ кончено!...

Старый монахъ.—Чудо Господне!

Отецъ Адамъ.—А княжна?

Отецъ Антонъ (гордо).—Нашъ инокъ ее спасъ.

Отецъ Адамъ.—Вплавъ?

Отецъ Давидъ.—Да, вплавъ: вынесъ на берегъ.

Отецъ Мовсесъ.—Неужели инокъ умѣлъ плавать?

Отецъ Давидъ.—Откуда? Кто объ этомъ слышалъ?

Отецъ Мовсесъ.—Это прямо чудо!

Старый монахъ.—Говорятъ вамъ, что это перстъ Божій!

Отецъ Адамъ.—Ну, ладно; зачѣмъ же, отецъ Антонъ, вы пустились въ путь въ такую непогоду?

Отецъ Антонъ.—Эхъ, развѣ я не говорилъ, не убѣждалъ? Сама святая мать-княгиня такъ просила, но никто и слушать не хотѣлъ. Князь приказалъ взойти на плотъ: „Если боитесь, то оставайтесь,—сказалъ онъ намъ,—мы сами будемъ грести!“ Ужъ какъ тутъ было прекословить, думаю, — „все въ Божьей волѣ“.

Отецъ Мовсесъ.—А дочь?

Отецъ Антонъ.—Вся въ отца.

Старый монахъ.—Ну нѣтъ, въ этомъ видна воля Богоматери! (Сильнѣе опираясь на свой посохъ, воодушевленно.) Взгляните, кто основатель этого храма въ честь Богоматери? Не наша ли святая мать княгиня? Кто сохраняетъ нашъ храмъ въ довольствіи и славѣ? Кто построилъ вотъ эти наши кельи? Кто приходилъ всегда на помощь намъ въ нашихъ нуждахъ,—намъ, молящимся рабамъ Богоматери?

Голосъ.—Это правда, правда!

Отецъ Закарья.—Да даруетъ Господь многія лѣта нашей княгинѣ!

Старый монахъ.—Она, что покинула княжескую жизнь и роскошь, своихъ дѣтей и свои палаты и пришла къ стопамъ Богоматери, чтобы тамъ въ уединеніи Цамакаберда отдать послѣднюю половину своей жизни посту и молитвѣ.

Отецъ Давидъ.—Многія лѣта нашей княгинѣ!

Старый монахъ.—Такъ вотъ, ради нея-то и оказала намъ Богоматерь чудо: спасла ея брата и эту дѣвушку. Пусть видятъ все невѣрующіе и убѣждаются, что наша Богоматерь не оставляетъ своихъ слугъ и молящихся. Да будутъ непрерывны наши молитвы, и да не оскудѣетъ благословеніе Ея надъ нами, надъ нашей благочестивой княгиней!

Слава имени нашей Богоматери, слава Ея едиnorodному Сыну, во вѣки вѣковъ.

Толпа.—Аминь.

Голоса.—Князь, князь!

III.

Толпа выстраивается въ два ряда и смрепно ждетъ князя. Входятъ Князь и Игумень, за ними нѣсколько человекъ свиты и монахи.

Князь (идя прямо къ зданію).—Такъ вотъ, значитъ, церковь, которую сестра такъ любитъ и лелѣетъ. Стройный и красивый храмъ! (къ свитѣ.) Сказалъ я, что сегодня долженъ увидѣть эту церковь, и вотъ, вопреки всѣмъ стихіямъ, стою я теперь здѣсь живъ и здоровъ.

Игумень.—То былъ смѣлый шагъ, князь!

Князь.—Въ міру у насъ не то, отецъ игумень, что у васъ въ пустынѣ. Міръ принадлежитъ смѣлымъ. Наконецъ, и то прими въ соображеніе: когда еще въ этихъ краяхъ мнѣ побывать придется,—столько у меня дѣла, занятій. Какъ же было мнѣ передъ отъѣздомъ хоть разъ не повидать церковь сестры, хоть разъ не приложиться къ святому алтарю?

Игумень.—На завтра бы отложилъ.

Князь.—На завтра? Но я уже сегодня вечеромъ уѣзжаю изъ Цамакаберда.

Игумень.—Какъ, ты намѣренъ вновь пуститься въ море?

Старый монахъ.—Бога не искушаютъ, князь!

Князь.—Боже упаси, впереди еще много времени, надѣюсь, море утихнетъ.

Игумень.—Если не бережешь себя, побереги дочь!

Князь.—Моя дочь храбра. Немного напугалась, немного на-

глоталась воды Севанской,—ничего, молодость, пройдет. Зато все, что видѣла сегодня и пережила, вотъ это не пройдетъ. Вѣдь я страшную бурю подарилъ ея юношескимъ воспоминаніямъ.

Старый монахъ.—Жизнью не играютъ, князь!

Князь.—И это говоришь ты, старикъ? Ты жилъ такъ долго, что позабылъ о томъ, что и сама жизнь—только игра.

Старый монахъ.—Жизнь—крестъ, сынъ мой, который мы должны нести на нашихъ плечахъ до тѣхъ поръ, пока Господь не призоветъ насъ. Богоматерь пощадила тебя на этотъ разъ, но не повторяй этого грѣха!

Князь.—И я благодаренъ Ей, святой отецъ: постараюсь въ долгу не остаться. И теперь, придя на поклоненіе въ Ея храмъ, я не хотѣлъ бы прійти съ пустыми руками. Я приношу въ даръ этому храму Богоматери дубовую дверь съ глубокой рѣзбой, а также занавѣсъ для главнаго престола изъ бархата съ золотымъ шитьемъ.

Старый монахъ.—Будь благословенъ! Имя вашего рода не сотрется со стѣнъ этихъ!

Князь.—А также я повелѣлъ моему управителю, пока живеть въ довольствіи мой домъ, посылать ежегодно съ моихъ полей десять мѣръ бѣлаго пшена въ вашу пустыню. Да будетъ даръ мой вамъ въ усладу, да будутъ ваши святыя молитвы во спасеніе моимъ родителямъ и дѣтямъ!

Голоса (сагъшанные).—Благослови Господь память вашихъ родителей. Да не оскудѣютъ ваши поля и сады. Да сохранитъ Господь дѣтей вашихъ. Да умножитъ Господь ваши владѣнія и достоянія!

Князь.—А теперь... (Игумну.) Гдѣ инокъ?

Игумень. Сейчасъ, князь, я уже послалъ за нимъ. Вотъ и онъ,

IV.

Входитъ инокъ въ сопровожденіи отца Симона и писца. Онъ мраченъ, лицо неподвижно, глаза устремлены въ землю, онъ какъ бы безволенъ.

Князь (любуясь).—Какъ ты красивъ, какъ молодъ.

Игумень.—Въ моей общинѣ онъ—младшій, князь!

Князь.—О, не будь на тебѣ этой черной рясы, я зналъ бы, какъ мнѣ поступить. Я далъ бы тебѣ моего коня, я далъ бы тебѣ мой мечъ, что тридцать лѣтъ служилъ мнѣ вѣрно, я взялъ бы тебя въ свои палаты какъ родного сына. Ты былъ бы прекрасенъ на моемъ ворономъ конѣ, а твоя рука скоро привыкла бы къ

моему мечу. Если же не довольно моего коня и меча, я далъ бы тебѣ и мою дочь...

Игумень.—Князь!...

Князь.—жизнь которой ты спасъ сегодня... она была бы уже твоей по праву. У насъ въ міру кто взялъ, тотъ и владѣть.

Игумень.—Князь!

Князь.—Знаю, знаю, что въ этой святой обители не подобаетъ говорить такихъ словъ, но что мнѣ дѣлать: я хотѣлъ бы что-либо дать, хотѣлъ бы хоть чѣмъ-нибудь отблагодарить этого самоотверженнаго, этого смѣльчака. Жаль, эта черная ряса связала мнѣ руки. (Подойдя къ иноку.) Сынъ мой, твой князь слишкомъ бѣденъ и слишкомъ безсиленъ передъ тобой, чтобы отплатить тебѣ: то, что могъ бы я сказать, здѣсь неумѣстно: то, что могъ бы я дать, тебѣ не нужно!

Игумень.—Намъ нужно долготѣіе твое и твоей дочери!

Князь.—Итакъ, я остался въ долгу передъ тобой. Непріятное чувство! я не привыкъ оставаться въ долгу. Что бы то ни было, дай мнѣ руку, вотъ моя, она никогда не слабѣла передъ врагомъ и никогда не творила несправедливости, она достойна того, чтобы ты пожалъ ее своей рукой, спасшей сегодня изъ волнъ мою дочь! (Жметъ руку инока.) Войдемъ въ церковь, отецъ игумень! (Князь, игумень, свита и многіе монахи входятъ въ церковь.)

Отецъ Симонъ (хватая инока за руку).—Пойдемъ, пойдемъ и мы, отдохни немножко. Ты все еще блѣденъ; я чувствую, какъ ты еще дрожишь всѣмъ тѣломъ. (Полубнявъ инока, ведетъ его къ выходу.)

V.

Отецъ Лазарь (подходя къ Адаму, таинственно).—Сколько времени долженъ будетъ теперь иннокъ нести покаяніе, чтобы передъ нимъ вновь раскрылся входъ въ храмъ!

Отецъ Адамъ.—Нести покаяніе, за что?

Отецъ Лазарь.—Вѣдь онъ коснулся женщины.

Отецъ Адамъ.—Но, но... подобный случай...

Отецъ Лазарь.—Это все равно, грѣхъ всегда грѣхомъ останется. (Таинственно.) Я видѣлъ, какъ они, сплетенные другъ съ другомъ, вышли изъ волнъ. Люди князя почти насильно вырвали дѣвушку изъ его рукъ.

Отецъ Адамъ (разсерженно).—Глупости ты говоришь!

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

Келья инока. Ночь.

Низкая маленькая комнатка из нештукатуреннаго камня. Въ глубинѣ простая деревянная кровать, на ней постилка и жесткая, твердая подушка; грубое покрывало наполовину спало на полъ.

Посрединѣ комнаты на кускѣ стараго ковра стоитъ низкій и широкій палой, на которомъ лежитъ большая раскрытая рукопись.

Съ одной стороны комнаты—грубый деревянный столъ, на немъ—черный деревянный крестъ, глиняный кувшинъ и мерцающая лампада. Съ другой стороны—входъ въ комнату.

I.

Инокъ сидитъ на краю постели, скрестивъ руки и уставившись въ землю. Рядомъ съ нимъ на низенькой деревянной скамейкѣ, выпрямившись, опершись обѣими руками на посохъ и высоко держа голову, неподвижно сидитъ **Слѣпой**.

Слѣпой.—Гдѣ твои мысли, иннокъ?

Инокъ (вздрагиваетъ и поднимаетъ голову).

Слѣпой.—Опять... опять?

Инокъ.—Да, да, грѣхъ, я знаю, великій грѣхъ. Нѣтъ, я больше не буду думать, больше не долженъ думать, никогда, никогда; я долженъ вычеркнуть изъ памяти сегодняшній день, все, все: море, прохладу, плоть, волны, ахъ, эти волны... (Быстро вскакиваетъ; порывисто.) Но какъ чудесно, однако, бороться съ ними, когда онѣ подставляютъ тебѣ свою вздымающуюся грудь, когда ударяютъ своей пѣной въ лицо, глаза, чтобъ ослѣпить тебя; одна вскакиваетъ на плечо, другая взбирается на грудь, одна толкаетъ, другая тащитъ, давитъ, и всѣ, всѣ хотятъ одолѣть; а ты всегда на поверхности, колышешься вмѣстѣ съ ихъ подъемомъ и паденіемъ, побѣждая ударами своихъ рукъ всѣ ихъ усилія... О эта борьба...

Слѣпой.—Борьба для жизни, иннокъ, а здѣсь пустыня.

Инокъ.—Да... пустыня. Помилуй мя, Господи, помилуй мя!

Слѣпой.—Будь остороженъ. Строго слѣди за собой, иннокъ. Молись!

Инокъ (становясь на колѣни передъ распятіемъ).—Я—пропацій грѣшникъ, спаси мя, Господи; я—падшій преступникъ, помоги мнѣ, Господи; я задыхаюсь въ грѣхѣ, удержи мя, Господи! Смотри, въ морѣ грѣха... въ морѣ грѣха... въ морѣ... въ морѣ... (Закрывъ лицо руками, подымается на погн.)

Слѣпой.—Говори, говори...

Инокъ (открываетъ лицо и пристально смотритъ на неподвижное, какъ у статуи, лицо Слѣпого).

Слѣпой.—Говори, говори...

Инокъ.—Говорить?... Что?...

Слѣпой.—То, что тамъ, въ глубинѣ, въ глубинѣ.

Инокъ.—Въ глубинѣ?... въ глубинѣ?...

Слѣпой.—Говори, говори...

Инокъ.—Кто можетъ видѣть такія глубины, кто можетъ высказать такія глубины?

Слѣпой.—А я вижу и говорю.

Инокъ.—Ты, слѣпой? (Иронически.) Ну, такъ скажи,—посмотришь, что ты видишь.

Слѣпой (отчетливо).—На плоту, когда весло въ твоихъ рукахъ разсѣкало воду, кто былъ въ душѣ твоей?

Инокъ (испуганно).—Молчи!

Слѣпой.—За кого такъ трепетало твое сердце? Чтò готово было сорваться съ твоихъ устъ, когда вокругъ всѣ призывали Бога, когда передъ тобой вздымалась буря?

Инокъ (въ ужасѣ).—О, если-бъ очи твои отверсты были, чтобъ ты не видѣлъ, не видѣлъ!

Слѣпой.—Когда всѣ взоры были обращены къ небу, когда всѣ ждали небесной помощи, куда были устремлены твои глаза, кто это былъ, передъ кѣмъ душа твоя склонялась?

Инокъ.—Замолчи, замолчи; ты не имѣешь права все видѣть; нельзя все видѣть!

Слѣпой.—Скажи, чего желалъ ты, что ты искалъ?

Инокъ.—Не знаю, ничего не знаю; довольно!

Слѣпой.—А въ морѣ, когда она подобно змѣѣ обвилась около твоей шеи, дыханье къ дыханью, прильнувъ всѣмъ тѣломъ, когда ты, позабывъ все на свѣтѣ, разсѣкалъ волны,—скажи, ты опять не знаешь, чего ты желалъ?

Инокъ.—Нѣтъ, помню... помню, я желалъ всѣмъ существомъ своимъ, чтобъ была безконечна эта борьба, чтобъ былъ безконеченъ этотъ влажный путь, чтобъ былъ безконеченъ этотъ мигъ.

Слѣпой.—Нечестивецъ!

Инокъ.—Но конецъ пришелъ.

Слѣпой.—И ты достигъ берега. И когда изъ рукъ твоихъ приняли твою ношу, и ты въ изнеможеньи упалъ на песокъ,—ты былъ уже мертвымъ трупомъ.

Инокъ.—Правда, такимъ я себя почувствовалъ.

Слѣпой.—Ты и сейчасъ все еще мертвый трупъ, тѣло, покинутое Божьимъ духомъ.

Инокъ.—О, Боже мой, я погубилъ свою душу.

Слѣпой (вставая).—Пади на землю и рыдай, надѣнь вериги и молись. Но прежде всего иди къ отцу игумену и исповѣдуйся.

Инокъ.—Исповѣдаться отцу игумену... въ чемъ, для чего? О, все, все, что угодно, но этого никогда. Никогда! И ты, святой отецъ, какъ бы...

Слѣпой.—Я слѣпъ, глухъ и нѣмъ; но поди ты самъ къ отцу игумену и исповѣдуйся добровольно.

Инокъ (рѣшительно).—Отцу игумену никогда!

Слѣпой.—Боишься?

Инокъ.—Нѣтъ. Но... но...

Слѣпой.—Конечно, ты хотѣлъ бы держать втайнѣ, въ глубинѣ своего сердца эту твою новую маленькую святыню, прятать и поклоняться тайно!

Инокъ.—Сжался, сжался надо мной, неумолимый!

Слѣпой.—А ты самъ жалѣешь ли себя, идолопоклонникъ?! Вспомни заповѣдь: „Да не будутъ тебѣ бози иніи, развѣ мене“.

Инокъ (бормоча).—Да не будутъ... не будутъ...

Слѣпой (многозначительно).—Не сотвори себѣ кумира и всякаго подобія, елика на небеси горѣ и елика на земли низу и елика въ водахъ подъ землею“...

Инокъ (дрожа).—И елика въ водахъ подъ землею.

Слѣпой (медленно направляясь къ выходу)—Азъ бо есмь Господь Богъ твой, Богъ ревнитель, отдавая грѣхъи отецъ на чада до третяго и четвертаго рода... (Выходить.)

II.

Инокъ (становится на колѣни передъ распятіемъ, благоговѣнно протираетъ руки).— „Возопихъ въ скорби моей ко Господу Богу моему, бо возліяся на мя вода до души моя, бездна обыде мя послѣдняя, понре глава моя въ разсѣлины горъ. Отвергль мя еси во глубины сердца... во глубины сердца... морекаго... и волны твоя... на мя преидоша... (Понемногу слабѣетъ, садится на колѣни и свѣшиваетъ голову на грудь.)

III.

Постепенно распятіе и столъ покрываются туманомъ, все смѣшивается, и на фонѣ этого тумана понемногу вырисовывается фигура дѣвушки.

Она вся въ бѣломъ; одежда простая, тонкая и облегающая, какъ бываетъ у чловѣка, только что вышедшаго изъ воды; мокрые волосы распущены, кое-гдѣ на нихъ нити морской травы.

Инокъ слегка приподнимаетъ голову и въ ужасѣ вскакиваетъ на ноги.

Инокъ (пятясь)—Ты... ты?...

Дѣвушка.—Да, я! Развѣ ты не ждалъ?

Инокъ.—Боже мой!

ДѢВУШКА.—Ты одинъ?

ИНОКЪ.—Я... я одинъ всегда.

ДѢВУШКА.—А я пришла къ тебѣ, пришла въ этотъ полночный часъ, чтобъ быть наединѣ съ тобой. Съ тобой, мой храбрець, мое солнышко, мой цловець.

ИНОКЪ.—Довольно!

ДѢВУШКА.—Зачѣмъ? Развѣ не тобой живу я теперь? Развѣ не ты вновь далъ мнѣ жизнь? О, какъ сладка жизнь, которую ты далъ мнѣ! Сколько... сколько лѣтъ я жила, цѣлыхъ семнадцать лѣтъ, и не знала, право не знала, что не жила. Помнишь, днемъ, тамъ, въ волнахъ, смотри, мои волосы влажны еще, возьми, возьми, тронь!

ИНОКЪ (отступаетъ увлеченный, не отводя отъ нея глазъ).

ДѢВУШКА.—А знаешь, у тебя такія сильныя руки и такія гибкія. А я еще такая взволнованная, такая усталая. (Хочетъ сѣсть на кровать инока.)

ИНОКЪ (хочетъ помѣшатель).—Княжна!

ДѢВУШКА (садится на край постели). — Я княжна для своихъ слугъ, я княжна для нашихъ подчиненныхъ... мой господинъ долженъ иначе звать меня.

ИНОКЪ.—Седа!

ДѢВУШКА.—Ахъ, ты знаешь мое имя?

ИНОКЪ.—Такъ назвалъ тебя отецъ.

ДѢВУШКА.—Да, меня зовутъ Седа. А какъ твое имя?

ИНОКЪ.—Меня зовутъ инокомъ.

ДѢВУШКА.—Но раньше, раньше, въ міру, когда ты принадлежалъ міру?

ИНОКЪ.—Моймъ міромъ всегда была обитель, съ тѣхъ поръ какъ я помню себя.

ДѢВУШКА.—Эта? Ахъ, какъ холодно здѣсь, какъ я мерзну!

ИНОКЪ.—Тебѣ холодно?

ДѢВУШКА.—Дай мнѣ что-нибудь, чтобъ согрѣлась моя душа!

ИНОКЪ.—У меня нѣтъ ничего.

ДѢВУШКА (не поворачивая головы указываетъ на висѣщую зади рясу).— Вотъ!

ИНОКЪ.—Мою рясу?

ДѢВУШКА.—Какъ мнѣ холодно!

ИНОКЪ.—Мою рясу?

ДѢВУШКА.—Колеблешься? Но не колебался дать мнѣ свою жизнь, не колебался, бросаясь за мной въ разъяренныя волны?

ИНОКЪ.—Нѣтъ, не колебался; то было иное.

ДѢВУШКА.—Да, то было иное. Тамъ была борьба и буря, а

здѣсь нѣмо и тихо, какъ въ могилѣ. Ахъ... какъ холодно здѣсь... какъ я мерзну. (Встаетъ.)

Инокъ (бѣжитъ къ ясѣ, протягиваетъ руку и снова останавливается, колеблясь).

ДѢВУШКА.—Дай, дай! (Инокъ снимаетъ рясу со стѣны и поворачивается къ дѣвущкѣ, которая уже исчезла. Инокъ застываетъ съ расой въ протянутой рукѣ.)

IV.

Снаружи доносится голосъ звонаря, который сзываетъ на молитву, напѣвая однообразную заунывную мелодію. Голосъ постепенно приближается. Ряса падаетъ изъ рукъ инока.

Инокъ (шопотомъ).—Исусе... (Хочетъ снова стать на колѣни передъ распятіемъ, но вскакиваетъ, какъ обезумѣвшій.) Нѣтъ, нѣтъ!... Вновь появится... (Оборачивается къ постели.) Ахъ, Господь отвернулъ отъ меня... (Рыдая бросается къ кровати и прячетъ голову въ постель.)

Снаружи все доносится пѣніе звонаря, все дальше и дальше, слабѣетъ, стихаетъ и замолкаетъ вовсе.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

У родника, подъ сѣнью развѣсистаго вѣкового дерева.

Подъ деревомъ на деревянной скамейкѣ сидитъ и какъ будто дремлетъ **Старый монахъ**. Близъ родника собрались монахи: **Лазарь, Мовсеевъ, Давидъ и Закарья**, и **Дьяконъ**; они неспокойно перешептываются. Возлѣ нихъ стоитъ **инокъ**, устремивъ глаза въ землю, и слушаетъ.

I.

Отецъ Мовсеевъ.—Правда, опять?

Дьяконъ.—Вспрыгнула на постель; сѣла на шею и стала душить...

Отецъ Мовсеевъ.—Исусе Христе!

Дьяконъ.—Бѣдняга едва высвободился!

Отецъ Давидъ.—Не даетъ злая сила покою отцу Барсегу, и это ужъ не въ первый разъ!

Отецъ Закарья.—Чей образъ приняла она?

Дьяконъ.—Не знаю. Сказалъ лишь, что поднялась къ потолку подобно сѣрному дыму и вышла наружу сквозь балки потолка.

Отецъ Мовсеевъ.—Проклятая. Будь проклята она и ея образъ!

Дьяконъ.—Это ужасно, нѣтъ спасенья изъ ея когтей.

Отецъ Давидъ.—Я не могу лечь спать ночью, пока не погляжу подъ кровать и за кровать.

Отецъ Мовсесъ.—Я тоже. Прошлый вечеръ вхожу въ келью и вижу: прикорнула въ углу, подобно женщинѣ, закутавшейся въ темный саванъ; въ ужасъ пришелъ, перекрестился поскорѣе,—сгнула!

Отецъ Лазарь.—И точно, эти наважденія приходятъ во образѣ женщины, приходятъ толпами и чего только не творять, какую срамоту, какой соблазнъ!

Отецъ Закарья.—А мнѣ являются всегда въ образѣ нашихъ крестьянъ: кабатчикъ Овсепъ, нашъ сосѣдъ Габо, слѣпой дудочникъ Акопъ, барабанчикъ Минасъ. Приходятъ, собираются вокругъ меня, въ рукахъ вино, водка, яства, шашлыкъ. Келью наполняетъ безсмертный запахъ хаши, какъ будто весь дворъ полонъ людьми и варятъ мясо жертвеннаго барашка. И ужъ какъ угощаютъ, какъ просятъ, какъ убѣждаютъ, чтобъ непременно ѣлъ. И пока не произнесу имени Божьей Матери, не исчезаютъ, анаемы!

Отецъ Мовсесъ.—Это наказаніе, одно наказаніе. Зачѣмъ мучишь насъ, Спаситель?

Отецъ Закарья.—Какъ на зло они изгоняютъ изъ моей памяти имя Богоматери; ищу его, ищу, вотъ кажется, вотъ оно на кончикѣ языка, а не могу произнести: „Святая дѣва Марія“.

Дьяконъ.—Охъ, куда бѣжать отъ рукъ этихъ поганныхъ! Куда бѣжать, какъ бѣжать?

Отецъ Мовсесъ.—И чего хотятъ они отъ насъ и именно отъ насъ?

Отецъ Давидъ.—Пришедшій въ пустыню приходитъ искуситься дьяволомъ, какъ и самъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ.

Отецъ Мовсесъ.—Да поможетъ намъ Иисусъ Христосъ.

Толпа.—Иисусъ Христосъ.

Дьяконъ.—Они всюду, всюду, куда бы ты ни пошелъ... Вотъ почему знать, не сидитъ ли кто изъ нихъ здѣсь, позади... (Мѣняеть мѣсто.) Или вонъ тамъ, въ расщелинахъ пещеры, или надъ нами вонъ въ густой листвѣ. Видите... видите... кто-то тамъ въ глубинѣ, во мракѣ... движется; а тутъ другой изъ самаго ключа... ишь, ишь какъ потѣшается... какъ хихикаетъ. (Въ ужасѣ пятясь отъ родника.) Иисусе Христе, Иисусе Христе. (Сталкивается лицомъ къ лицу съ игуменомъ.)

II.

Игуменъ (сурово).—Что случилось, чего ты испугался, дьяконъ?

Дьяконъ.—Святой отецъ! (Падаетъ къ его ногамъ.)

Отецъ Мовсесъ.—Злая сила не даетъ намъ покою, отецъ игуменъ.

Отецъ Лазарь.—Сильны козни нечистаго духа.

Игуменъ (съ отвращеніемъ).—И до сихъ поръ еще вы говорите мнѣ о старыхъ дьяволахъ! (Разсердившись.) Подымись, дьяконъ.

Дьяконъ (встаетъ, закрывъ лицо руками).

Игуменъ (недолго молча смотритъ на него, на другихъ и говорить раздѣльно).—Пусть боится злой силы тотъ, кто не смогъ совладать съ плотью своей и съ инстинктами, дьяволъ господствуетъ только надъ инстинктами.

Старый монахъ.—А кто тотъ, кто смогъ совладать со своей плотью и съ инстинктами, отецъ игуменъ?

Игуменъ (гордо).—Тотъ, кто пришелъ въ эту пустыню, старикъ!

Старый монахъ.—Всѣ мы люди, отецъ игуменъ.

Игуменъ.—Нѣтъ, святой отецъ, тотъ, кто пришелъ со мной въ мою пустыню, долженъ быть выше, чѣмъ человѣкъ. А злой силы пусть боится тотъ, кто не порвалъ всей своей связи съ міромъ, со своимъ прошлымъ, со своими воспоминаніями, со своими горестями и со своими радостями.

Старый монахъ.—А кто тотъ, кто смогъ порвать всю эту связь, отецъ игуменъ?

Игуменъ (гордо).—Тотъ, кто пришелъ въ эту пустыню, старикъ!

Старый монахъ.—Всѣ мы люди, отецъ игуменъ!

Игуменъ.—Кто человѣкъ и только человѣкъ, тотъ принадлежитъ міру и пусть вернется въ міръ; къ его услугамъ плоть отца Антона. Я созвалъ васъ сюда не для того, чтобъ вы собирались и ужасались дьяволовъ. (Вдохновившись, поднимаетъ висящій на груди простой крестъ.) Здѣсь крестъ Господень, здѣсь нѣтъ дьяволовъ.

Всѣ (благоговѣнно осѣняютъ себя крестомъ).

Игуменъ.—Здѣсь нѣтъ страстей, здѣсь нѣтъ инстинктовъ, здѣсь только святой духъ, здѣсь только мысль,—мысль, стремящаяся ввысь, къ истинѣ, къ Богу. Поймите вотъ это хорошенько и оставьте дьяволовъ міру. Теперь же идите съ миромъ и да будетъ Господь со всѣми вами!

Всѣ.—Аминь. (Расходятся.)

III.

Игуменъ остается одинъ и, грустно качая головой, провожаетъ ихъ взглядомъ, въ то время какъ сбоку медленно подходит Инокъ, нагибается, осторожно подымаетъ край его одежды и цѣлуетъ его.

Игуменъ (вдругъ замѣчаетъ и отстунаетъ).—Что ты дѣлаешь, сынъ мой, что ты дѣлаешь?

Инокъ.—Отецъ...

Игуменъ.—Чего ты хочешь, сынъ мой, что съ тобой?

Инокъ.—Какъ высоко стоишь ты, отецъ, какъ высоко, высоко.

Игуменъ.—Мы всѣ стремимся ввысь, сынокъ.

Инокъ.—Ахъ, мы всѣ. Какъ бы съ неба доносится до меня твой голосъ; издали, издали... свысока. Эхъ, мы всѣ! Съ тѣхъ поръ какъ я себя помню, былъ я у тебя подъ крылышкомъ, слѣдовалъ твоимъ совѣтамъ, твоему примѣру, и было время, когда мнѣ казалось, что и я достигну этихъ высотъ...

Игуменъ.—А теперь, сынъ мой?

Инокъ.—Теперь, теперь... (Рѣзко.) Я не изъ тѣхъ возвышенныхъ душъ, какихъ ты ищешь.

Игуменъ.—Что ты говоришь, мой мальчикъ, ты клеветишь на себя... ты, мой избранныкъ, ты, который взлеталъ выше всѣхъ ихъ!..

Инокъ.—Взлеталъ... можетъ быть, когда крылья мои были свободны и легки.

Игуменъ.—Ну, а теперь, что стало съ твоими крыльями?

Инокъ.—Теперь... теперь... крылья мои намокли, отецъ!

Игуменъ.—Намокли?

Инокъ (таинственно, приближаясь).—Теперь и я боюсь, отецъ!

Игуменъ.—Боишься и ты дьявола?

Инокъ.—Дьявола? Нѣтъ, не дьявола!

Игуменъ.—Такъ чего-жь?

Инокъ.—Я... я боюсь... моря...

Игуменъ.—Моря?...

Инокъ.—Моря. Тамъ волны, буря и волнение, и борьба... и... и все.

Игуменъ.—Понимаю, сынокъ, случай того дня взволновалъ твою душу; пройдетъ; что за связь между тобой и моремъ. У тебя молодое сердце, мягкое и сострадательное, и ты спасъ отъ смерти подобное себѣ молодое существо, будь благословенъ!

Инокъ.—Но съ того дня, отецъ, мнѣ кажется, что море... море... сердце природы!

Игуменъ (пристально смотреть на инока, строго).—Ты смотри на небо, сынъ мой; небо—мысль природы, глубокая и спокойная.

Инокъ.—Да, глубокая и спокойная, когда небо ясно и безоблачно, а мои мысли больше походятъ на пасмурные дни, когда тамъ все мутно и бурно. Я не изъ тѣхъ возвышенныхъ душъ, какихъ ты ищешь, отецъ!

Игуменъ.—И это говоришь ты, инокъ! Ты, который былъ моей гордостью, чью душу я изваялъ, въ котораго я вложилъ самыя завѣтныя мои думы, вложилъ свою душу, который будетъ послѣ меня продолжать мое дѣло. Я люблю скромность, инокъ, но изъ устъ моего преемника я бы хотѣлъ услышать слова, нмѣющія бѣльшій полетъ.

Инокъ (закрывая лицо руками и всхлиывая).—Ахъ, ты еще не знаешь... ты еще не знаешь, отецъ...

Игуменъ (поблѣднѣвъ, выпрямляется, строго).—Посмотри на меня, слышишь, посмотри мнѣ въ глаза!

Инокъ (рыдаетъ).

Игуменъ.—Неужели, неужели вѣрно мое подозрѣнiе! Посмотри мнѣ въ глаза, инокъ!

Инокъ (рыдаетъ).

Игуменъ.—Такъ слабъ, такъ жалокъ... Ты, чью душу я считалъ твердой, какъ камень, непорочной, дѣвственной и исключительной. Я вѣрилъ, что ты гордо и высоко къ небу возносишь голову среди мiрскаго моря, подобно моему дѣвственному и одинокому острову среди этого моря. Несчастный, ты хочешь склонить эту красивую, эту гордую голову внизъ, къ этому морю, лежащему такъ низко; съ тѣхъ высотъ, гдѣ нашъ Богъ...

Инокъ.—Богъ отвернулся отъ меня!

Игуменъ.—Замолчи, замолчи! Такъ нетвердъ, такъ жалокъ... при первомъ же испытанiи.

Инокъ (становясь на колѣни).—Отецъ...

Игуменъ (отстраняясь).—Подымись; я часто видѣлъ тебя у моихъ ногъ, но не такимъ, не такимъ. Я тебя такимъ не могу видѣть. Подымись, подымись!

Инокъ (подымается).

Игуменъ.—И удались. Иди. Будь вновь такимъ, какимъ былъ; тогда приходи ко мнѣ. Такимъ, какимъ былъ, такимъ, какимъ былъ... (Обрываетъ рѣчь и стоитъ неподвижный и суровый.)

Инокъ (молча, опустивъ голову, медленно уходитъ).

IV.

Игуменъ.—Мiръ... это мiръ хочетъ проникнуть на мой островъ. Тамъ дьяволы, здѣсь эта дѣвушка... и инокъ... мой инокъ... этотъ инокъ... Нѣтъ, невозможно. (Обращаясь вверхъ, къ вер-

шинѣ острова.) Эц, ты, ты, какъ тебя, ты, въ бѣломъ! Нѣтъ, это только случай, не радуйся, преходящій, мимолетный случай, не радуйся!

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Часть берега между скаль.

Съ лѣвой стороны крутой, высокій утесъ, съ правой—разбросаны группы скаль, посрединѣ—песчаное ровное мѣсто; до подножія скаль виднѣется море, въ глубинѣ, въ перспективѣ едва обрисовываются горы. Ясный вечеръ. Скалы, деревья, море,—все, какъ бы положится въ оранжево-красныхъ лучахъ солнца, тона которыхъ на протяженіи всей картины мѣняются и искрятся.

I.

Нѣкоторое время на сценѣ пусто. Слышится дѣвичій смѣхъ и шумъ.

На одной изъ невысокихъ скаль правой стороны показывается **Морская пѣнка**, весело осматривается и, обернувшись и приложивъ рупоромъ руки ко рту, кричить:

ПЕРВАЯ ПѢНКА.—Го-о-го-о!

На сосѣдней скаль показывается другая **Морская пѣнка**, рѣзвая и порхающая, кричитъ и манитъ рукой.

ВТОРАЯ ПѢНКА.—Сюда, сюда!

И, взявшись за руки, обѣ легко соскакиваютъ на песокъ. Между тѣмъ по тѣмъ скаламъ и изъ-за скаль вбѣгаютъ поодиночкѣ и группами **Морскія пѣнки**, легкія, гибкія и подвижныя, одѣтыя въ свѣтло-голубое или свѣтло-зеленое платье, съ сѣтью украшеній, похожихъ на пѣну. У всѣхъ распущенные волосы и ленты цвѣта платья. Бѣгаютъ, прыгаютъ, мечутся; смѣхъ и веселье.

На краю той же скалы показывается **Инокъ**; онъ похожъ на человѣка, убѣгающаго отъ погони. За нимъ вбѣгаютъ другія **Морскія пѣнки**.

Инокъ осматривается со скалы, торопится сойти, спотыкается, скользнуть внизъ и остается сидѣть у подножія скалы. Всеобщій жизнерадостный смѣхъ и веселое смятеніе. **Инокъ** медленно поднимается съ мѣста, онъ мраченъ и растерянъ; отчаяннымъ движеніемъ руки онъ закрываетъ лицо.

ТРЕТЬЯ ПѢНКА (осторожно подходитъ къ иноку и кричитъ ему на ухо).—Седа!

Инокъ (вздрагиваетъ и сейчасъ же открываетъ глаза. Всеобщій хохотъ, который тотчасъ же подавляется).

ПѢНКИ (откликаются другъ другу съ разныхъ сторонъ и мѣсть).—Седа!... Седа!... Седа!...

Инокъ.—Сгиньте, исчезните во имя Христа, во имя этого креста! (Креститъ ихъ рукой.)

ГРУППА ПѢНОКЪ (окружая, смѣясь).—Ахъ, красавецъ мальчикъ бѣдный,

Ахъ, красавецъ мальчикъ бѣдный,
Ужъ утратилъ крестъ твой силу!

Инокъ.—Уже утратила моя молитва силу, уже утратилъ крестъ мой силу...

ЧЕТВЕРТАЯ ПѢНКА.—Эй, мальчикъ, не грусти напрасно!

ПЕРВАЯ ПѢНКА.—Здѣсь весело все и все прекрасно!

Инокъ (съ досадой).—Ахъ, что вамъ нужно, меня молю оставить!

ТРЕТЬЯ ПѢНКА.—Хотимъ мы душу пылать заставить!

ВТОРАЯ ПѢНКА.—Какое зло тебѣ мы нанесли?

ПЯТАЯ ПѢНКА.—Тебѣ мы, знаешь, вѣсти принесли!

ТРЕТЬЯ ПѢНКА.—Черезъ горы, черезъ доли вѣсти и любовь

ВТОРАЯ ПѢНКА.—Возьми любовь,

Отдай любовь—
Законъ таковъ
У всѣхъ вѣковъ.

Инокъ (протирая глаза).—Но нѣтъ, это козни злой руки!

ПЕРВАЯ ПѢНКА.—Злой руки?

ПѢНКИ (берутся за руки, окружаютъ инока, кружатся вокругъ него, танцуютъ и поютъ).—Злой руки?... Давайте руки, будемъ кружиться,

Давайте руки, мы будемъ пѣть,
Быть можетъ, сердце облегчится,
Душа захочетъ полетѣть!
О, дайте крылья,
Любовь и высь,
О, дайте крылья
Подняться въ высь.

Инокъ (подбѣгаетъ къ третьей пѣнкѣ).—Скажи, скажи, кто ты?

Звучишь такъ сладко, какъ мечты.

ТРЕТЬЯ ПѢНКА (отскакивая легко).—Нѣтъ, я не злой духъ и не фея,

Вѣсти съ моря несу тебѣ я.

Инокъ.—Значитъ, ты есть, живешь ты?

ТРЕТЬЯ ПѢНКА.—Живу такъ же, какъ и ты.

Инокъ.—Гдѣ же домъ твой, живешь гдѣ?

ТРЕТЬЯ ПѢНКА.—И здѣсь, и тамъ, и вездѣ.

ПЕРВАЯ ПѢНКА.—Изъ волнъ возникли пѣной мы.

Желанны всѣ и нѣжны мы.

Инокъ.—Я никогда не видѣлъ васъ.

Первая пѣнка.—Любовь нужна, чтобъ видѣть насъ.

Вторая пѣнка.—Тоска нужна и ожиданье.

Пятая пѣнка (проходить впередъ, раздвигая подругъ).—Но знакомы я и ты.

Инокъ.—Мы знакомы—я и ты?

Пятая пѣнка.—Такъ забылъ то утро ты?

Шумѣла буря разъярясь,
Ты въ морѣ былъ съ Седа сплетясь...

Инокъ.—Когда боролся я съ волнами?

Пятая пѣнка.—И ты боролся съ нами.

Ударъ крутой ноги твоей
Пришелся мнѣ
Межъ двухъ грудей.

Инокъ.—Было больно?

Пятая пѣнка (подругамъ).—Больно? Что такое больно? (Продолжая свое.)

Ударъ былъ сильный и могучій,
Я пѣной стала вдругъ зыбучей.

Инокъ.—Ты пѣной?

Шестая пѣнка (нѣжно обнимая пятую).—Пѣночка

Сестреночка,
Одинъ, одинъ
Лишь поцѣлуй!

Четвертая пѣнка (дразня).—Ахъ, вы, неразлучки!

Пятая пѣнка.—Пусти меня, эй, перестань.

Инокъ.—Когда же ты изъ моря встала?

Пятая пѣнка.—Когда еще прохлада не настала.

Сегодня въ самый полдень знойный!...

Инокъ.—Сама, уходи твой добровольный?

Пятая пѣнка.—Отецъ-солнце позвалъ ввысь.

Инокъ.—Отецъ... солнце... ввысь...

И почему?

Первая пѣнка.—Чему, чему...

Пятая пѣнка.—Къ нему, къ нему.

Дать поцѣлуй...

Инокъ (перебивая).—Кому?

Пятая пѣнка.—Вѣтерку моему.

ВТОРАЯ ПЬНКА.—Ахъ, вотъ пришли!

ГРУППА ИЗЪ ГЛУБИНЫ.—Пришли, пришли!

ЧЕТВЕРТАЯ ПЬНКА.—Вѣтерки, вѣтерки, бѣгите!

ДРУГАЯ ГРУППА (подпрыгивая).—Пришли, пришли вѣтерки!

II.

Общее смятеніе. Вбѣгаютъ **Вѣтерки**: свѣжіе, легкіе юноши съ спутанными волосами; развѣвающаяся темная одежда въ складкахъ.

Они вбѣгаютъ изъ глубины сцены, смѣшиваются съ **Морскими пѣнками**, сплетаются съ ними попарно или группами и, не останавливаясь, увлекаютъ ихъ съ собой черезъ передній планъ картины, прыгая, шумя, смѣясь.

Затѣмъ нѣсколько паръ проходятъ.

МОРСКАЯ ПЬНКА.—Мы васъ долго, долго ждали!

ВѢТЕРОКЪ.—Подъ горой насъ задержали.

МОРСКАЯ ПЬНКА.—Что-жъ опять случилось съ вами?

ВѢТЕРОКЪ.—Мы боролись тамъ съ снѣгами,

Что сбѣгаютъ ручейками.

МОРСКАЯ ПЬНКА.—Ненавижу я ихъ всѣхъ,

Такъ грубы, такъ холодны. (Проходятъ.)

Маленькая группа, таща другъ друга.

ВѢТЕРОКЪ.—Бѣжимъ въ кусты!

ДРУГОЙ ВѢТЕРОКЪ.—На ширь морскую!

МОРСКАЯ ПЬНКА.—Плясать, плясать!

ДРУГАЯ ПЬНКА.—Нѣтъ, наслаждаться! (Проходятъ.)

Большая группа, сцѣпившись руками.

ВѢТЕРКИ.—Вы нѣжное дыханіе морей!

МОРСКІЯ ПЬНКИ.—Вы легкое дыханіе зѣбра!

Всѣ.—Мы всѣ другъ дружку обовьемъ,

Жизнью полной заживемъ! (Проходятъ.)

МОРСКАЯ ПЬНКА (оборачиваясь къ иноку).—Иди, иди, юноша, иди и ты вмѣстѣ съ нами.

ДРУГАЯ (обнимая своего зѣфира).—Ахъ, не можетъ онъ итти, онъ безъ пары, безъ дружка...

ГРУППА (удаляясь).—Безъ дружка...

III.

Инокъ (долго смотреть имъ вслѣдъ, пока шумъ не стихаетъ. Грустно качая головой).—Безъ пары, безъ дружка... (Послѣ небольшой паузы вдругъ изъ его груди вырывается:) О, если-бъ я зналъ, что не на-

прасно́ это отшельничество!... Что это за жизнь! Забытая свѣча передъ распятіемъ, безцвѣтная и одинокая, копящая и тающая! (Закрываетъ лицо руками, свѣшиваетъ голову на грудь и остается недвижимъ.)

IV.

На краю отвѣсной скалы показывается **Отшельникъ**, полуголый, обтрепанный.

Отшельникъ (страшно крича).—Эй, кто это тамъ? Что тебѣ нужно тамъ, у моей ямы?

Инокъ (изумленный, смотритъ вверхъ).

Отшельникъ.—Эй, я тебѣ говорю! Что ты тамъ дѣлаешь? (Быстро карабкается внизъ по скалѣ, то скатываясь, то исчезая за выступами камней; дойдя до середины утеса, останавливается.) Зачѣмъ ты пришелъ, человѣкъ, въ эти безлюдныя мѣста?

Инокъ.—Ахъ, ты, вѣроятно, тотъ отшельникъ, что за много-много лѣтъ до насъ ушелъ одинъ подвижникъ на этотъ островъ. Но вѣдь онъ уже умеръ давно, давно.

Отшельникъ.—А ты, развѣ ты не умеръ давно, давно?

Инокъ.—Я?

Отшельникъ.—Суета. Лучше скажи мнѣ, зачѣмъ пришелъ ты въ эти безлюдныя мѣста?

Инокъ.—Не знаю; меня привели.

Отшельникъ.—Кто привелъ тебя?

Инокъ (задумчиво).—Не знаю. Но вѣдь мѣсто твоего отшельничества было по ту сторону этихъ скалъ, гораздо выше.

Отшельникъ.—Но здѣсь моя яма.

Инокъ.—Яма... какая яма?

Отшельникъ.—Посмотри себѣ подъ ноги,—яма суеты!

Инокъ.—Суеты? (Смотритъ подъ ноги, гдѣ видна яма, величиной и формой похожая на могилу.)

Отшельникъ.—Осторожно! Не попортъ!

Инокъ.—Правда, отшельникъ, что ты былъ царемъ и властелиномъ огромныхъ странъ, что ты жилъ въ палатахъ и сотни людей исполняли всякую твою прихоть, правда, что твоимъ наслажденіямъ и удовольствіямъ не было границъ? Правда ли, отшельникъ, то, что рассказываютъ?

Отшельникъ.—Суета!

Инокъ.—Говорятъ, оставилъ ты это все, палаты и пиршества, власть и славу, оставилъ все, надѣлъ схиму, пошелъ проповѣдывать покаяніе, проповѣдывать милосердіе, проповѣдывать состраданіе, проповѣдывать смиреніе. Правда ли, отшельникъ, то, что рассказываютъ?

Отшельникъ.—Суета!

Инокъ.—Правда ли, что, пресытившись и этимъ, удалился ты, чтобъ найти покой въ этомъ уединеніи, чтобъ думать о спасеніи своей души?

Отшельникъ.—Суета!

Инокъ (взволнованно).—Что ты говоришь, ты, отшельникъ, суета—твое отшельничество?

Отшельникъ (равнодушно).—Отойди немного отъ моей ямы, чтобъ она не осыпалась!

Инокъ.—Да, эта яма. Вѣрно это твоя могила, разъ ты такъ дрожишь надъ ней. Но она открыта и пуста.

Отшельникъ.—Суета и могила. У меня нѣтъ могилы!

Инокъ.—Да, это правда, я знаю. Говорятъ, ты бросился въ море отсюда, съ высокихъ скалъ, что по ту сторону. Ты не убоялся души, не убоялся грядущей жизни?

Отшельникъ.—Суета и душа и грядущая жизнь!

Инокъ (въ ужасѣ).—Замолчи, несчастный, поношеніе — твои слова!

Отшельникъ.—Не ужасайся понапрасну и держись немного дальше отъ моей ямы!

Инокъ.—Что-жь это за яма? Для чего вырылъ ты эту яму, зачѣмъ защищаешь ты ее съ такимъ страхомъ и дрожью даже по ту сторону смерти?

Отшельникъ (качая головой).—А, вотъ это самое и есть суета суеть. Рылъ, рылъ, смотри, этими ногтями, мозгомъ и сердцемъ, рылъ безпрестанно со дня рожденія до послѣдней минуты, рылъ и искалъ, чтобъ найти въ ней что-то необходимое, рылъ и защищалъ, чтобъ мой трудъ не пропалъ даромъ; защищаю и теперь, потому что мной она вырыта, потому что это единственная вещь, которая мнѣ принадлежитъ, которая мною создана. Единственная вещь вотъ эта яма, эта пустая яма, эта всегда пустая яма, которая чѣмъ больше роешь ее, тѣмъ болѣе пустѣетъ. Пустѣетъ, пустѣетъ, понимаешь, никогда не заполнится ничѣмъ, ничѣмъ. Иди, иди и ты рыть свою яму и оставь мою мнѣ. (Хочетъ удалиться.)

Инокъ.—Постой, постой, человекъ, хочу спросить тебя, тебя, который такъ мудръ...

Отшельникъ (изъ-за выступа скалы).—Человѣкъ мудръ?... Суета! (Уходить.)

V.

Инокъ снова подходит къ ямѣ и грустно и мрачно созерцаетъ, задумавшись.

Изъ-за камней выходитъ фигура, совершенно закутанная въ покрывало, похожая на туманъ. Медленно подвигается впередъ и остацавливается передъ инокомъ.

ЗАКУТАННАЯ.—Что тебѣ нужно, я пришла?

ИНОКЪ (подымаетъ голову, нѣсколько удивленно и вмѣстѣ съ тѣмъ равнодушно оглядываясь.) И ты изъ нихъ?

ЗАКУТАННАЯ.—Зачѣмъ ты звалъ меня?

ИНОКЪ.—Звалъ тебя?

ЗАКУТАННАЯ.—Твоя душа меня звала, и я пришла.

ИНОКЪ.—Моя душа?

ЗАКУТАННАЯ.—Почему мрачна твоя душа? О чемъ ты думаешь?

ИНОКЪ.—Моя душа?

ЗАКУТАННАЯ.—Скажи и не будь такимъ грустнымъ.

ИНОКЪ (показывая ва яму).—Вотъ, взгляни!

ЗАКУТАННАЯ.—Что это?

ИНОКЪ.—Жизнь.

ЗАКУТАННАЯ.—Жизнь—эта узкая и темная яма?

ИНОКЪ.—Да, яма суеты.

ЗАКУТАННАЯ.—Ты испугался этой пустой ямы. Хочешь, заполню ее?

ИНОКЪ (радно).—Заполнишь?

ЗАКУТАННАЯ. Сейчасъ, это нетрудно. (Подходить къ ямѣ, остацавливается и начинаетъ свою полупѣснь съ таинственно призывными движеніями. И сверху начинаетъ спускаться къ ямѣ что-то въ родѣ тумана, освѣщенное послѣдними алыми лучами сумерекъ, въ туманѣ чуть обрисовывается что-то похожее на лицо, части тѣла, листья, цвѣты, искры, цвѣта.)

Слетайте, грезы,
Слетайте, радостныя,
Слетайте, сладостныя;
Слетайте, грезы,
Грезы нѣжныя,
Безмятежныя!

Зелень, цвѣты,
Счастья журчанье,
Нѣга мечты
И упованье;

Слеза дрожащая
И упоенная;

Тоска щемящая
И затаенная;

Жизни новой
Ожиданье—всегда;
Ума съ сердцемъ
Единенье—никогда...
Слетайте, грезы,
Слетайте, радостныя,
Слетайте, сладостныя;
Слетайте, грезы;
Грезы нѣжныя,
Безмятежныя!

Волненье крови—
Ласки умиленныя;
Лобзанья любви—
Очи просвѣтленныя;

Успокоенье
И искушенье;
Души смятенье
И пѣснопѣнье;

Затаенное стремленіе
Напрасное;
Безконечное влеченіе
Страстное...

Слетайте, грезы,
Слетайте, радостныя,
Слетайте, сладостныя;
Слетайте, грезы,
Грезы нѣжныя,
Безмятежныя!

Искръ метанье,
Звѣздъ сіянье,
Свѣта, тѣни колебанье,
Счастья жаждущихъ сліянье;

Вѣра въ величье,
Силь ниспосланье,
Славы и воли
Существованье;

Громъ успѣховъ,
Гордыня властная,
Самообмановъ
Тьма прекрасная...

Слетайте, грезы,
Слетайте, радостныя,
Слетайте, сладостныя;
Слетайте, грезы,
Грезы нѣжныя,
Безмятежныя!

ЗАКУТАННАЯ.—Ну подойди и больше не грусти.

Инокъ (глядя на яму).—Заполнилась. Хотѣлось бы ступить на нее.

ЗАКУТАННАЯ.—Ступи!

Инокъ (одной ногой на ямѣ).—Я стою на ямѣ суеты.

ЗАКУТАННАЯ.—Ты стоишь теперь на грезахъ.

Инокъ.—Да, и яма заполнена. (Вдругъ радостно вскакиваетъ и безудержно:) Эй ты, старый отшельникъ, эй суета, твоя яма заполнена, заполнена. А ты, таинственный волшебникъ, кто ты?

ЗАКУТАННАЯ.—Я? я тоже греза.

Инокъ.—Греза?

ЗАКУТАННАЯ.—Я то, чего, не сознавая, долгіе годы ты ждалъ, что по ночамъ, не произнося ни звука, ты призывалъ въ одиночествѣ своей кельи, чего, не признаваясь, безконечно жаждало твое юное, горячее сердце. Я то, безъ чего этотъ островъ—пустыня, и въ чьемъ присутствіи рай начинается цвѣсти въ пустынь. И вотъ пришла я къ тебѣ.

Инокъ (воодушевившись).—Да будетъ благословенъ твой приходъ! Скажи, какъ назвать тебя?

ЗАКУТАННАЯ.—Зови, какъ захочетъ твое сердце, нѣтъ счета моимъ именамъ. Ты очень полюбилъ море,—зови моремъ, если хочешь.

Инокъ (мечтательно).—Правда, у подножья этихъ скалъ игри-выя волны морскія о тебѣ всегда шептали мнѣ.

ЗАКУТАННАЯ.—И вѣтерокъ въ листьѣ, и птенчики въ кустахъ, и журчащій родникъ,—все, все, вездѣ и всюду обо мнѣ тебѣ шептало.

Инокъ.—Хочу видѣть твое лицо. Открой!

ЗАКУТАННАЯ.—Оставь,—можетъ, расквѣсься.

Инокъ.—Хочу видѣть твое лицо, открой.

ЗАКУТАННАЯ.—Хорошо. Подойди и открой самъ.

Инокъ (дрожа подходит и дрожащими руками тянетъ за край покрывала, которое спадаетъ съ плечъ дѣвушки. Седа стоитъ точно такъ же, какъ и въ первомъ дѣйствіи. Инокъ отступаетъ назадъ, восхищенный и обезумѣвшій).— Седа...

Седа.—Что! Вотъ я!

Инокъ (еще болѣе увлеченный).—О ты, ты обаяніе моей жизни, ты царица моей мысли, ты море моего сердца, ты буря моей души! Ты солнца зной, ты волнъ волненіе, ты природы даръ мнѣ. (Падаетъ ницъ). Позволь, позволь обнять твои колѣни, позволь поцѣловать твои слѣды на землѣ, поцѣловать непорочный край твоей бѣлой одежды. (Хочетъ пасть къ ея ногамъ, но образъ дѣвушки затуманивается и исчезаетъ. Инокъ остается недвижимъ въ той же позѣ, обнимающимъ ея колѣни, на томъ мѣстѣ, гдѣ раньше была яма суеты.)

VI.

Изъ-за скалъ, что въ глубинѣ, появляются монахи: **Адамъ** и **Симонъ**, съ полными узелками въ рукахъ.

Отецъ Симонъ.—Ну и дьявольская дорога, право, дьявольская дорога... Дай-ка руку.

Отецъ Адамъ (помогая товарищу спуститься съ верхней скалы).—Взгляни-ка, отецъ Симонъ, что это тамъ такое, точно человѣкъ лежитъ на землѣ.

Отецъ Симонъ (крестится).—Во имя Иисуса Христа. Человѣкъ такъ далеко? Не случилось ли несчастья? (Спускается со скалы, и оба осторожно приближаются.)

Инокъ (на шумъ ихъ шаговъ поднимаетъ голову и изумленно смотритъ передъ собой).—Ушла... (Осматривается, привстаетъ и садится.)

Отецъ Симонъ.—Ахъ, это ты, инокъ. Молился? Почему же такъ далеко?

Отецъ Адамъ.—Мы испугались.

Инокъ (встаетъ на ноги, смотритъ на нихъ разбѣяннымъ взглядомъ и вдругъ начинаетъ внимательно искать чего-то на землѣ).

Отецъ Адамъ.—Что ты ищешь, инокъ?

Инокъ.—Гдѣ она, какъ разъ тутъ должна была быть? Гдѣ яма, гдѣ та яма?

Отецъ Адамъ.—Какая яма, инокъ?

Инокъ.—Да, правда, забылъ, она наполнила...

Отецъ Адамъ.—Заполнила... что, кто?

Инокъ.—Она... та... греза... чудесный сонъ...

Отецъ Симонъ (улыбаясь).—Ахъ, ты видѣлъ сонъ? Ты спалъ, да?

Инокъ.—Сонъ. (Вдругъ подходитъ къ отцу Симону, ощупываетъ его тѣло, сильно трясетъ его за руку.) А ты... а ты... а ты?...

Отецъ Симонъ (отодвигаясь назадъ).—Господь нашъ Иисусъ Христосъ, не допусти злого.

Инокъ.—А эта, а эта церковь, эта пустыня?... Какъ мнѣ узнать что сонъ и что не сонъ: то, тамъ, тѣ—или здѣсь вы, тутъ?

Отецъ Адамъ.—Проснись, инокъ, проснись! Какой сонъ? Въ чемъ дѣло? Вотъ это святой отецъ Симонъ, а это я, слуга грѣшный. Были на вершинѣ острова, спустились собирать грибы; съ камня на камень, съ утеса на утесъ дошли до сихъ поръ; въ этой сторонѣ водятся великолѣпные грибы, посмотри, я набралъ полный платокъ; будетъ чудесный грибной супъ!

Инокъ (вдругъ).—А если ты самъ только грибъ, чудесный грибъ, выросшій въ тѣни утеса, и только грезится тебѣ, что ты монахъ и пришелъ собирать грибы?

Отецъ Адамъ.—Приди въ себя, инокъ, что ты говоришь?

Инокъ (продолжая).—Или, можетъ быть, ты тѣнь того утеса, тѣнь осколка камня, который упалъ здѣсь, и снится тебѣ, что ты святой, совладѣвшій со страстями своими? Что сонъ и что не сонъ, скажи, если знаешь, и что такое самый сонъ?

Отецъ Симонъ (испуганный, стараясь переменить разговоръ).—Пойдемъ, пойдемъ, инокъ, ужъ поздно. Дьявольская дорога здѣсь; взгляни, настоящая чортова лѣстница!

Отецъ Адамъ.—Пойдемъ, чтобы поспѣть къ ужину. Сегодня мы на всеобщемъ бдѣннн.

Инокъ (повинуясь).—Пойдемъ. Поѣдимъ грибной супъ и пойдемъ на бдѣннн. Это тоже одинъ изъ сновъ, но только длинный, длинный сонъ, не такъ ли святой отецъ?

Отецъ Адамъ.—Не знаю, инокъ, что ты хочешь этимъ сказать!

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

Средневѣковый просторный залъ съ колоннами.

Справа—глубокая ниша съ длинными и узкими окнами. Передъ нишей деревянное кресло, на немъ подушка. Рядомъ маленькій низенькій столикъ, на немъ нѣсколько женскихъ вещей и красивая рукописная книга.

Слѣва—длинный диванъ. Всюду ковры. Въ глубинѣ—колонны, отдѣляющія залъ отъ сѣней, расположенныхъ еще глубже. Между колоннами—занавѣси темнаго цвѣта.

Спокойно, тихо и уютно.

I.

Княгиня сидитъ въ креслѣ, опершись рукой о столъ и разговариваетъ. Еще не увядшая красота, чуть посѣдѣвшіе волосы, вся внѣшность скорбная, простая и вмѣстѣ благородная.

Неподалеку, позади на полу, сидитъ на коврѣ няня—бойкая и расторопная сѣдая старуха въ черномъ платьѣ. Передъ княгиней со свитками пергамента въ рукахъ стоитъ управитель.

Управитель.—Да, если то благоугодно княгинѣ.

Княгиня.—Хорошо, какъ тебѣ извѣстно, я согласна.

Управитель.—Будутъ ли у княгини другія приказанія?

Княгиня.—Нѣтъ. Привѣтъ мой всѣмъ. Пусть Анна хорошенько слѣдитъ за собой, она такая слабенькая. Скажешь, что мать недовольна ею.

Управитель.—Княгиня не должна была насъ оставлять: ея отсутствіе слишкомъ чувствительно во дворцѣ.

Княгиня.—Эхъ, во дворцѣ жизнь и безъ меня идетъ своимъ порядкомъ. Въ этомъ возрастѣ дѣти мало нуждаются въ матери. Я выросла, повѣнчала, исполнила свой долгъ. Я отдала должное міру, теперь пора подумать о своемъ покоѣ и душѣ.

Старуха.—Ну тебя съ твоимъ дворцомъ! Моя госпожа всю жизнь была мученицей, а ты хочешь, чтобъ и теперь она вернулась и бросилась подъ колесо жизни. Нѣтъ, ужъ довольно, нуженъ покой и намъ, хотя бы въ концѣ нашихъ дней. Посмотри на это спокойное, нѣмое, уединенное убѣжище, я не промѣняю его ни на одинъ дворецъ.

Управитель.—Правда, Цамакабердъ очень красивое мѣсто, красивое и спокойное. Севанское озеро, напротивъ островъ.

Княгиня.—И, наконецъ, я хочу быть вблизи моей церкви, которая строится; посмотри, она передо мной.

Управитель.—Я знаю благочестіе княгини, знаю ея милосердіе, добросердечіе и щедрость. Каждый шагъ здѣсь говоритъ о ея милости и состраданіи. Я знаю ея неисчислимыя благодѣянія. Не напрасно зовутъ ее святой.

Княгиня (улыбаясь).—Правда? Пусть зовутъ, имя ничего не мѣняетъ... Должна же я была хоть что-нибудь дѣлать въ этомъ одинокомъ, глухомъ уголкѣ.

Старуха.—Тѣмъ болѣе съ такимъ сердцемъ, какъ у княгини, которое привыкло къ заботливости и попеченію.

Княгиня.—Быть женщиной—значитъ имѣть заботу, Егиса, быть матерью—имѣть попеченіе!

Управитель.—Приказываетъ ли княгиня ѣхать?

Княгиня.—Когда хочешь пуститься въ путь?

Управитель.—Такъ, черезъ часъ.

Княгиня.—Хорошо, Господь съ тобой!

Управитель.—Да пошлетъ Богъ здоровья княгинѣ. (Нагибается, смиренно цѣлуетъ ея руку и выходитъ черезъ внутреннія занавѣси.)

II.

Княгиня (молчитъ нѣкоторое время, затѣмъ со вздохомъ).—Эхъ, какъ мало можетъ дать намъ жизнь!

Старуха.—Не ропщи,—много или мало, а тебѣ дала все, что могла дать.

Княгиня.—И ты такъ думаешь?

Старуха.—Вѣдь это правда.

Княгиня.—Въ такомъ случаѣ очень бѣдна и жалка сама жизнь.

Старуха.—Можетъ быть.

Княгиня.—Ахъ, какъ мнѣ грустно сегодня!

Старуха.—Облаченъ день.

Княгиня.—Облачно небо, дождливо и мрачно въ моей душѣ.

Принеси мнѣ Евангеліе.

Старуха (встаетъ и поискахъ немного).—Оно у тебя, подь рукой.

Княгиня (беря и раскрывая).—Ахъ да, я забыла!

III.

Служанка (въ черной одеждѣ, почтительно докладываетъ, отдергивая занавѣсъ).—Святой отецъ игумень просить свиданія съ княгиней.

Княгиня.—Святой отецъ?

Служанка.—Да, княгиня. Что прикажетъ княгиня?

Княгиня.—Проводи сюда. (Кладетъ книгу на столъ.)

Служанка (выходить).

Старуха.—Вотъ и хорошо; легче станеть у тебя на сердцѣ. Ты бываешь довольна всегда, когда съ тобой говорятъ о твоей церкви.

Княгиня.—Отдерни занавѣсъ.

IV.

Старуха отдергиваетъ занавѣсъ и въ почтительной позѣ продолжаетъ держать его. Входитъ **Игумень** и направляется прямо къ княгинѣ, которая подымается съ кресла.

Игумень.—Да благословить тебя Господь, княгиня!

Княгиня.—И тебя, святой отецъ! Какія вѣсти изъ обители?

Игумень.—Молитвы и благословенія.

Княгиня.—Нѣтъ, какъ церковь?

Игумень.—День ото дня близится къ концу и превращается въ домъ молитвы и внутренняго созерцанія.

Княгиня.—Какъ сдѣлали нишу правой стороны?

Игумень.—Такъ, какъ рѣшили въ прошлый разъ.

Княгиня.—Значить, позади двухъ колоннъ съ отдѣльнымъ сводомъ.

Игумень.—Да... Нѣтъ! Не позади двухъ колоннъ, а рядомъ съ двумя колоннами.

Княгиня.—Позади колоннъ... Вѣдь... колонна... такъ... дай-ка планъ, Егиса.

Старуха (стоявшая поодаль, почтительно скрестивъ руки на груди, приносить изъ стѣнного шкафа свернутый свитокъ).

Княгиня (разстлала на своемъ маленькомъ столикѣ).—Садись, святой отецъ. Вотъ взгляни.

Игуменъ.—Вотъ колонны, вотъ мѣсто рядомъ съ ними.

Княгиня.—Такъ. Вотъ что значить, что я еще не видѣла этой части въ дѣйствительности. Всего никогда нельзя себѣ представить, несмотря на то, что я часто и подолгу смотрѣла на планъ. Знаешь, нерѣдко я цѣлыми ночами думаю объ этомъ зданіи, о каждомъ уголкѣ, о каждой мельчайшей подробности, о каждомъ камнѣ. Такъ близко все моему сердцу, такъ связано съ моей душой, точно я сама укрѣпляла каждый камень, точно я сама строила.

Игуменъ (шутя).—А я, княгиня, думалъ, что я построилъ; оказалось же, что построила ты.

Старуха.—Правда, эта церковь во имя Богородицы Маріи—дѣло рукъ моей княгини Маріи.

Игуменъ (задумчиво).—Да, ты построила, княгиня.

Княгиня.—Нѣтъ, святой отецъ, не я построила церковь эту, мы построили эту церковь, мы—я и ты. Вмѣстѣ думали мы, вмѣстѣ вдохновлялись мы, вмѣстѣ составляли и вмѣстѣ сооружали. И такъ сплетено было это все другъ съ другомъ, что теперь я, право, не знаю, что порождено мной и что тобой. Помнишь, святой отецъ, часы нашихъ общихъ думъ?

Игуменъ.—Помню, княгиня. Какое счастье сооружать что-либо и въ особенности храмъ, въ которомъ поселится Богъ.

Княгиня.—Красиво сказано. (Мечтательно.) Самыми сладкими минутами моей жизни были тѣ минуты, когда мы вмѣстѣ, сидя по обѣимъ сторонамъ вотъ этого стола, создавали и строили въ нашемъ воображеніи это зданіе.

Старуха.—На фасадѣ котораго будетъ высѣчено твое имя, чтобъ изъ вѣка въ вѣкъ передавать о твоёмъ благочестіи и боголюбіи.

Княгиня.—Оставь тщеславіе матери и няньки, Егиса. Оставь насъ однихъ и не мѣшай.

Старуха (ворча уходитъ).

V.

Княгиня.—Да, это—самыя сладкія минуты моей жизни, я не стыжусь повторять правду, я не хочу стыдиться. Зачѣмъ ты опускаешь глаза? Нѣтъ, ты не долженъ опускать ихъ. Я всю свою

жизнь смотрѣла всёмъ прямо въ глаза и хочу, чтобы и всё, къ которымъ въ глубинѣ моего сердца таится уваженіе, прямо смотрѣли мнѣ въ глаза.

Игуменъ.—Не понимаю, о чемъ говорить княгиня. Я не имѣю причинъ передъ кѣмъ бы то ни было опускать глаза.

Княгиня.—Но правда и то, что какъ я, такъ и ты, мы оба боимся глубоко и прямо посмотрѣть другъ другу въ глаза.

Игуменъ.—Княгиня!

Княгиня.—Оставь, оставь... до какихъ же поръ? Чаша переполнилась... Это слишкомъ тяжело и оскорбительно для меня. За чѣмъ, въ чемъ провинились мы?

Игуменъ (поднимаясь).—Пусть княгиня извинить меня, я долженъ идти.

Княгиня.—Нѣтъ, нѣтъ, святой отецъ, не убѣгай. И что за польза отъ бѣгства! Ты не можешь убѣжать отъ своей души... Садись, садись, я должна говорить. Ужъ цѣлый годъ, какъ я здѣсь, ужъ цѣлый годъ, какъ этотъ вопросъ, который я все время страшилась задать, просится наружу, а этотъ страхъ глубоко оскорбляетъ мое достоинство. Мы предстали другъ передъ другомъ, какъ два грѣшника, которые со стыдомъ принуждены скрывать свою душу.

Игуменъ.—Я не понимаю, что хочетъ сказать княгиня.

Княгиня.—Не понимаешь?

Игуменъ.—Я ничего не понялъ изъ твоихъ словъ!

Княгиня.—Ничего, Ованнесъ?

Игуменъ (вздрагиваетъ, какъ ужаленный). — Княгиня... (Тяжело встаетъ.)

Княгиня (тоже вставая).—Помнишь придворную дачу, помнишь вечернюю зарю на краю нашего бассейна, ровно двадцать пять лѣтъ тому назадъ?

Игуменъ.—Неужели послѣ двадцати пяти лѣтъ княгиня еще помнить тѣ незначительныя слова, которыми мы обмѣнялись?

Княгиня.—Я помнила всегда...

Игуменъ.—Я очень признателенъ, княгиня. Это честь, о какой я никогда и думать не смѣлъ. (Помолчавъ, постепенно поднимая голову.) Только... только тотъ Ованнесъ, имя котораго страннымъ образомъ до сихъ поръ не забыла княгиня, тотъ Ованнесъ, тотъ умеръ давно. Теперь же передъ тобой монахъ, почти старикъ, далекій отъ двора и отъ всѣхъ, пришедшій поговорить съ тобой о расходахъ по постройкѣ церкви.

Княгиня.—Не знаю,—можетъ быть, Ованнесъ умеръ для тебя, но не для меня. Въ моей душѣ онъ всегда былъ живъ, живымъ

и останется. Его образъ, игумень, это единственная свѣтлая точка въ моей жизни.

Игумень.—И это говорить женщина, имѣвшая мужа?

Княгиня (какъ бы перебивая).—И очень достойнаго мужа, котораго я всегда глубоко уважала. Но я глубоко страдала, что, кромѣ уваженія, ничего не могла дать ему.

Игумень.—И это говорить женщина, имѣвшая дѣтей?

Княгиня (строго).—Я исполнила свой долгъ; и очень тяжело было моему сердцу, что, кромѣ долга, я ничего не могла дать моимъ дѣтямъ. Я много имѣла и все, что имѣла, отдала своимъ близкимъ, но счастья я никому не дала, потому что ни отъ кого не получала его.

Игумень (стоитъ молчаливый, насунивъ брови).

Княгиня.—Слушай, я все должна сказать, чтобы исчезло навсегда это неприятное напряженіе между нами. Смотри, я уже старая женщина, и ты самъ только что сказалъ, что ты уже старикъ, намъ нечего бояться, намъ нечего стѣсняться, разъ совѣсть наша чиста. Это утаиваніе, это искаженіе чувствъ не къ лицу намъ, ни тебѣ, ни мнѣ. Услышь то, чего никогда не проносили мои уста и что все же наполняло все мое существо. На темномъ небѣ моей жизни ты былъ для меня свѣтлой звѣздой, смысломъ жизни, безъ этого свѣта, безъ этого утѣшенія я не знаю, для чего бы я жила.

Игумень (сжимая лобъ рукой).—Довольно, довольно!

Княгиня.—Твой образъ былъ передо мной въ минуты моего одиночества. И сама я хорошо не знаю, къ кому больше обращалась мои горячія молитвы, которыя вырывались изъ моего сердца, къ образу ли Спасителя или къ твоему. Правда, я чтила твой образъ вмѣстѣ съ образомъ Бога!

Игумень.—И ты не убоялась Бога?

Княгиня.—Бога? (Поднимая Евангеліе со стола.) Богъ — это любовь, монахъ.

Игумень (задумчиво качая головой).—Такъ!... (Вдругъ.) А теперь?

Княгиня.—Теперь? И теперь! Взгляни въ это окно, что обращено на твой островъ. Вонъ виднѣется твое окно, твое маленькое окно, гдѣ не гаснетъ огонь до полночи. Ты, вѣрно, читаешь и молишься, а я отсюда стараюсь прочесть твои мысли и твои молитвы. Неужели твоя душа не знала всего этого?

Игумень (рѣзко).—Нѣтъ, никогда!

Княгиня.—Правда? Неужели твоя душа не была такъ же полна мной, какъ и моя тобой?

Игумень (молчитъ.)

Княгиня.—Отвѣть, неужели не радовался ты, неужели не радовалась твоя душа, когда здѣсь въ этомъ одиночествѣ сидѣли мы другъ противъ друга и часами говорили и распредѣляли? Отвѣть!

Игуменъ (неспокойно).—Не знаю, я ничего не знаю.

Княгиня.—Не знаешь? Я знаю и всегда знала навѣрное, что всегда живу въ твоей душѣ; хотя за много лѣтъ наврядъ ли восемь или десять разъ встрѣчались мы другъ съ другомъ, пока я не переѣхала сюда, и еще рѣже обмѣнивались словами, всегда плоскими, всегда безцвѣтными и всегда посторонними. Скажи, развѣ не правда то, что я говорю?

Игуменъ.—Оставь, княгиня! Какой смыслъ тревожить прошлое?

Княгиня.—Святой отецъ, будь прямымъ и дай отвѣтъ. Сегодня должно свести старые счета.

Игуменъ.—Чего хочешь, женщина, чего хочешь ты отъ меня? Въ теченіе половины моей жизни ты дала мнѣ одно страданіе, страданіе и горечь, разбила мою жизнь, сломила молодость, а теперь хочешь рыться въ пеплѣ.

Княгиня.—Мой бѣдный Ованнесь...

Игуменъ.—И что дала мнѣ жизнь, кромѣ страданья, и до тебя и послѣ тебя?

Княгиня.—Ахъ, я чувствовала...

Игуменъ.—Кончимъ! Какой смыслъ трогать эти старыя погасшія воспоминанія?

Княгиня.—Погасшія...

Игуменъ.—Да, эти безжалостныя воспоминанія вмѣстѣ со своими печалами я вырвалъ изъ своего сердца въ тотъ же день, когда надѣлъ на себя эту рясу.

Княгиня.—Вырвалъ изъ сердца?

Игуменъ.—Да, когда погасли всѣ искры міра...

Княгиня.—Нѣтъ, не погасли эти искры.

Игуменъ.—Княгиня...

Княгиня.—Нѣтъ, говорю тебѣ, не погасли эти искры. Ты старался погасить, старался обмануть себя, убаюкалъ свою душу и убѣдилъ себя, что погасилъ, но не погасилъ, не смогъ.

Игуменъ (строго).—Княгиня!

Княгиня (тихо).—Если погасилъ, то что такое эта церковь, то что такое эта наша церковь?

Игуменъ (въ ужасѣ отодвигаясь назадъ).—Молчи, молчи, княгиня!

Княгиня.—Воистину, монахъ, мы строили эту церковь не для твоего небеснаго Бога, какъ ты повторялъ всегда; не обма-

нывай себя, эту церковь мы построили для себя, для Бога нашей любви!

Игуменъ (разбитый).—Маріамъ!

Княгиня. — Да, твоя церковь посвящена не святой Дѣвѣ Маріи, она посвящена твоей княгинѣ Маріи. Скажи, развѣ не правда?

Игуменъ (молчить, опустивъ голову).

Княгиня.—Развѣ, не правда?

Игуменъ (молчить, опустивъ голову.)

VI.

Въ углу показывается **Неизвѣстный** въ бѣломъ.

Неизвѣстный.—Скажи, развѣ не правда?

Игуменъ (вздрагиваетъ, выпрямляется и застываетъ, устремивъ на него взоры).

Княгиня.—Что съ тобой?

Неизвѣстный.—Скажи, кому посвящена эта церковь, твоя новая церковь?

Игуменъ (молчить).

Неизвѣстный.—Скажи, ты долженъ сказать, долженъ признаться!

Игуменъ.— Да, правда. Эта... эта церковь посвящена старымъ богамъ.

Неизвѣстный.—Моимъ богамъ.

Игуменъ.—Твоимъ богамъ.

Неизвѣстный (исчезаетъ.)

VII.

Игуменъ.—Правда, я жалкій, возгордившійся человекъ; закрылъ глаза и вообразилъ, что лечу, гордо простеръ ввысь крылья и думалъ, что достигъ неба.

Княгиня.—Не говори такъ. Это—связь нашихъ сердецъ; вся наша любовь была свята, тепла и благородна, какъ лепетъ горячей молитвы, какъ ароматъ ладана, который возносится къ небу.

Игуменъ (глаза его все время устремлены туда, гдѣ появился **Неизвѣстный** въ бѣломъ).—Нѣтъ, нѣтъ, не торжествуй! Рано еще, еще увидимся! (Быстро уходитъ, не смотря въ сторону княгини.)

Княгиня (растерянно и со страхомъ).—Ованнесь, Ованнесь, святой отецъ!... (Ослабѣвъ, откидывается въ кресло.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Келья Игумена.

На переднемъ планѣ низкое окно съ просторными деревянными ставнями. Съ одной стороны окна рядъ полокъ съ рукописями и пергаментными свитками разной величины. Передъ окномъ и бібліотекой деревянный столъ съ книгами и другими вещами. Сбоку, противъ стола—дверь.

I.

Изъ открытаго окна на столъ и на полъ комнаты льется столбъ яркаго солнечнаго свѣта. Передъ столомъ, облитый лучами солнца, сидитъ Игуменъ, опершись локтями на столъ и уронивъ голову на руки.

Нѣкоторое время тихо. Осторожно открывается дверь, и входитъ Мастеръ въ запяленной и запачканной отъ работы одеждѣ. Онъ дѣлаетъ шагъ къ столу и останавливается.

М А С Т Е Р Ъ.—Ты звалъ меня, отецъ игуменъ?

И Г У М Е Н Ъ (неподвиженъ.)

М А С Т Е Р Ъ.—Святой отецъ, ты звалъ меня?

И Г У М Е Н Ъ (медленно поднимаетъ голову и смотритъ на него).—Да. (Помолчавъ.) Ну, скажи, пожалуйста, что дѣлать намъ теперь?

М А С Т Е Р Ъ.—Съ чѣмъ, святой отецъ?

И Г У М Е Н Ъ.—Что мы будемъ дѣлать съ этимъ зданіемъ?

М А С Т Е Р Ъ.—Съ церковью?

И Г У М Е Н Ъ (утвердительно качаетъ головой.)

М А С Т Е Р Ъ.—То-есть какъ? Ты знаешь уже, святой отецъ, что до Успенья Богородицы куполъ будетъ законченъ, остальное—мелочи.

И Г У М Е Н Ъ (задумчиво).—До Успенья Богородицы?

М А С Т Е Р Ъ.—Что заботитъ тебя, отецъ игуменъ?

И Г У М Е Н Ъ.—Значить... до Успенья Богородицы будетъ закончено? Гмъ, это ты навѣрное знаешь?

М А С Т Е Р Ъ.—Я господинъ своего слова, святой отецъ.

И Г У М Е Н Ъ (горячо и твердо).—Я тоже, я тоже господинъ своего слова, мастеръ.

М А С Т Е Р Ъ.—Значить?

И Г У М Е Н Ъ.—Сколько лѣтъ ты мастеромъ?

М А С Т Е Р Ъ.—Какъ знать—лѣтъ двадцать будетъ.

И Г У М Е Н Ъ.—Значить, двадцать лѣтъ ты строишь и строишь; а случалось ли тебѣ когда-нибудь, построивъ, разрушать?

М А С Т Е Р Ъ.—Построивъ, разрушать? Зачѣмъ?

И Г У М Е Н Ъ.—Почему ты такъ удивился? Вѣдь трудно строить, а разрушать всегда легко.

МАСТЕРЬ.—Да, другимъ построенное. Свое строенье трудно разрушать, святой отецъ.

ИГУМЕНЪ (глядя въ окно, мечтательно).—Трудно, трудно, конечно; особенно, когда связано со старыми воспоминаніями, надеждами, горестями, когда связано съ прошлымъ, съ днями молодости, не такъ ли, мастеръ? Трудно, конечно! (Молча пристально смотритъ въ окно и вдругъ говоритъ твердо и сурово.) Закрой ставни!

МАСТЕРЬ.—Закрывать... окно?

ИГУМЕНЪ.—Да, да окно.

МАСТЕРЬ.— Но какое пріятное солнце, какое радостное и теплое!

ИГУМЕНЪ.—И потому-то ты долженъ закрыть.

МАСТЕРЬ.—Но...

ИГУМЕНЪ.— Солнце... Намъ непремѣнно нужно солнце, радостное и теплое солнце. Мы все еще солнцепоклонники; солнце... Мы не можемъ жить безъ пріятнаго солнца, безъ радостнаго, теплаго солнца. Хотя бы окошко, хотя бы щель, хотя бы воровски врывающійся лучъ. (Вдругъ ударивъ кулакомъ по столу). Нѣтъ, закрой, говорю тебѣ,—чего застылъ?

МАСТЕРЬ (въ недоумѣніи идетъ и закрываетъ окно).

Въ комнатѣ почти темно.

ИГУМЕНЪ.—Такъ. Должна замазаться та щель, откуда солнце глядитъ сюда, откуда суша глядитъ сюда, откуда міръ глядитъ сюда.

МАСТЕРЬ.— Но въ твоемъ покоѣ стало мрачно и темно, какъ въ могилѣ.

ИГУМЕНЪ.—Скажи: какъ въ церкви.

МАСТЕРЬ (пожимаетъ плечами).

ИГУМЕНЪ.—Зачѣмъ боишься ты мрака? Мракъ есть мракъ для близорукихъ глазъ. Всѣ великія зачатки совершались во мракѣ, всѣ великія глубины можно увидѣть только во мракѣ. И этотъ, вами любимый свѣтъ—не порожденье ли мрака, порожденный и умирающій отъ него? Только мракъ есть и останется вѣчнымъ и безсмертнымъ. (Встаетъ и говоритъ въ раздумьѣ, шагая по комнатѣ.)

II.

Игуменъ молчитъ и озабоченно шагаетъ, когда входитъ **Инокъ** и останавливается у дверей, молчаливый и почтительный.

МАСТЕРЬ.—Есть ли у отца игумена новыя приказанія?

ИГУМЕНЪ.—Да, но не сейчасъ; сначала нужно покончить съ другими счетами. Господь съ тобой. (Обращаясь къ **иноку**.) Ты зачѣмъ пришелъ, инокъ?

III.

Инокъ (ждетъ пока мастеръ удалится, затѣмъ еще ниже опуская голову).—Мнѣ нужно съ тобой поговорить.

Игумень.—Каждый человѣкъ самъ долженъ проторить себѣ дорогу, инокъ.

Инокъ.—Знаю, я знаю, что для меня уже закрыты всѣ пути къ твоей душѣ. Я понимаю, что послѣ этого я для тебя презрѣнная и недостойная тварь, а ты для меня... (Умолкаетъ.)

Игумень.—Говори,—не стѣсняйся.

Инокъ.—Сказалъ бы, если бы зналъ... я самъ не знаю.

Игумень.—Врагъ?... И ты пришелъ ко мнѣ теперь, чтобы сказать мнѣ это.

Инокъ.—Нѣтъ. Я пришелъ къ тебѣ сообщить другое.

Игумень.—Говори.

Инокъ.—Ты говорилъ, что здѣсь на островѣ когда-то жили другіе боги.

Игумень (сдерживая изумленіе).—Затѣмъ?

Инокъ.—Ты говорилъ—за много, много лѣтъ до насъ.

Игумень.—Затѣмъ?

Инокъ.—Ты говорилъ—они всѣ умерли.

Игумень (молчать).

Инокъ.—Умерли, давно умерли.

Игумень (молчать).

Инокъ.—И вотъ я пришелъ тебѣ сказать, что ты ошибаешься, эти боги не умерли.

Игумень (испуганный и удивленный).—А ты... а ты откуда это знаешь?

Инокъ (тихо и таинственно).—Я... я видѣлъ...

Игумень.—Видѣлъ, ты, во мнѣ... видѣлъ... какъ?

Инокъ.—Въ тебѣ... какъ въ тебѣ? Нѣтъ, я видѣлъ тамъ...

Игумень.—Гдѣ?

Инокъ.—Тамъ, вокругъ мѣстъ старыхъ отшельничествъ.

Игумень.—Что видѣлъ ты тамъ, вокругъ мѣстъ старыхъ отшельничествъ?

Инокъ.—Видѣлъ... созданья другихъ... старыхъ боговъ.

Игумень.—Созданья?

Инокъ.—Ты ошибаешься, отецъ игумень. Говорю тебѣ, старые боги еще живутъ и со старыми богами живеть и старая жизнь ихъ. Въ то время какъ мы здѣсь, въ нашихъ узкихъ и темныхъ церквахъ, каемся, простершись на землѣ, они тамъ живутъ свободно, живутъ подъ лучами теплаго, яркаго солнца, на синемъ морѣ, въ волнуемомъ воздухѣ, на песчаномъ берегу;

живутъ веселой, кипучей жизнью, жизнью, полной движенія и переменъ. Мы молимся, тѣ живутъ. Это море, эти горы, этотъ островъ,—все это принадлежитъ имъ, намъ же только кельи и церковъ.

Игуменъ.—Нѣтъ. Ни эти кельи съ ихъ лицемѣрными окнами, ни эта церковъ не принадлежатъ намъ. Онѣ ихъ, и все принадлежитъ имъ.

Инокъ (сначала изумленный, затѣмъ испуганный).—Отецъ, и это говоришь ты?

Игуменъ.—Нашему Богу здѣсь ничего не принадлежитъ, ничего!

Инокъ.—Отецъ!

Игуменъ.—Это все ихъ. (Подходя къ иноку.) И все это нужно разрушить, иннокъ. До Успенія Богоматери здѣсь камня на камнѣ не должно остаться ни отъ келій, ни отъ церкви!

Инокъ.—Отецъ, ты смѣешься надо мной? Это злая шутка.

Игуменъ.—Насмѣшкой было все, что говорилъ я до сихъ поръ, злой шуткой, что дѣлалъ я до сихъ поръ. Но теперь все серьезно. Все должно измѣниться на этомъ островѣ. Ничего, ничего не должно здѣсь остаться ни отъ прежнихъ зданій, ни отъ прежнихъ душъ!

Инокъ.—А старые боги, отецъ?

Игуменъ.—Ободришь, сынъ мой, призови волю и изгони изъ себя всѣхъ старыхъ боговъ. Разрушь, разрушь, если нужно будетъ, разрушь всю свою душу. Много благородства въ твоей душѣ, стоитъ потрудиться!

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Дворъ храма.

Съ двухъ сторонъ—два ряда высокихъ, массивныхъ колоннъ. Въ серединѣ передняго плана—высокій и широкий сводъ, закрытый занавѣсомъ. Съ двухъ сторонъ свода—колонны, за которыми на небольшомъ разстояніи каменная стѣна.

На темно-розовомъ занавѣсѣ свода—золотое лучезарное солнце.

Передъ занавѣсомъ, въ глубинѣ, поставленъ маленькій каменный жертвенникъ, который дымится. По обѣимъ сторонамъ его, нѣсколько наискось, поставлены длинныя каменные столы и скамейки такъ, что столы и жертвенникъ посрединѣ ихъ образуютъ подковообразную фигуру.

Передъ колоннами—высокіе подсвѣчники и незажженные люстры. Жертвенникъ, колонны и подсвѣчники обвиты цѣпью цвѣтовъ и зелени.

I.

Зажжены только двѣ люстры по бокамъ жертвенника, въ глубинѣ, такъ что все громадное, высокое зданіе стоитъ въ дрожащемъ полумракѣ.

СЕДА (выходитъ изъ-за переднихъ колоннъ съ лѣвой стороны и, отступая вглубь, все въ томъ же одѣяніи, нѣсколько наклоненная впередъ и простирающая руки, зоветъ).—Иди... иди...

Инокъ (показываясь).—Седа, Седа...

СЕДА.—Иди...

Инокъ.—Отдай мнѣ мой покой, отдай мнѣ мои молитвы, отдай мнѣ мою увѣренность въ моихъ поступкахъ, въ моей жизни, въ моей силѣ. Все, все рушится вокругъ меня!

СЕДА (продолжая отступать вправо).—Иди, иди.

Инокъ.—Мнѣ нѣтъ больше покоя ни въ уединенъѣ моей кельи, ни внѣ ея, ни подъ церковными сводами. Въ псалмахъ слышу я твой голосъ, изъ-подъ темнаго свода улыбаются мнѣ твои глаза, въ благовоніи ладана чувствую ароматъ твоихъ мокрыхъ волосъ... Зачѣмъ, зачѣмъ мучишь ты меня?

СЕДА.—Иди... иди...

Инокъ.—Верни мнѣ мою гордость, мои высокіе помыслы, верни мнѣ мою вѣру, моего Бога, дай, отдай мнѣ моего Бога...

СЕДА.—Иди, иди. (Отходитъ и исчезаетъ за колоннами съ правой стороны.)

II.

Инокъ.—Опять ушла! Опять я одинокъ. (Остативляется посрединѣ зданія, осматривается и удивляется.) Гдѣ я? Куда привела меня она?

Снаружи доносится отдаленный шумъ и голоса.

Торопливо входитъ старый служащій съ огнемъ въ рукахъ и быстро зажигаетъ люстры и свѣчи.

Инокъ (быстро подходя).—Что это за зданіе, старикъ, гдѣ я?

Старикъ.—Тьфу, напугалъ меня, клянусь солнцемъ! Кто ты?

Инокъ.—Что это? Церковь?

Старикъ.—Церковь? Ну и выдумалъ! будь покоенъ, не мѣсто здѣсь распятымъ и изможденнымъ.

Снаружи шумъ постепенно приближается.

Инокъ.—Какъ радостно здѣсь, какъ празднично!

Старикъ.—Конечно, жизнь дана намъ на радость.

Инокъ.—И это говоришь ты, сѣдой старикъ?!

Старикъ.—Да, тяжело стариться, но еще мужественна моя душа и еще юно и бодро мое сердце, я могу еще наслаждаться жизнью и буду наслаждаться, клянусь солнцемъ, пока есть дыханье на устахъ... Конечно, быть такимъ молодымъ, какъ ты,—большое счастье. Жаль, что не вернуть мнѣ тѣхъ безудержныхъ, безумныхъ дней. Эва, пришли! (Идетъ по направленію шума.)

Инокъ (отступаетъ и прячется въ тѣни колоннъ).

III.

Изъ-за колоннъ съ лѣвой стороны входитъ князь съ воинами (около 30 человекъ) и съ такимъ же числомъ дѣвушекъ-прислужницъ храма, а также группа юныхъ оруженосцевъ съ факелами въ рукахъ. Мужчины въ шлемахъ, со щитами и мечами, женщины въ легкой бѣлой одеждѣ, въ волосахъ у нихъ, въ видѣ украшенія, по звѣздѣ.

Прежде всѣхъ входитъ нѣсколько факельщиковъ и дѣвушекъ въ возбужденномъ весельѣ. За ними князь, окруженный старшими приближенными. А затѣмъ, вперемежку съ дѣвушками, воины; слышатся радостныя восклицанія, рядомъ или позади идутъ факельщики.

ПЕРВАЯ ГРУППА ДѢВУШЕКЪ (какъ только выступили изъ-за колоннъ). — Да здравствуютъ побѣдители... Да здравствуютъ храбрыцы!

ВСѢ ЖЕНЩИНЫ. — Да здравствуютъ, да здравствуютъ побѣдители!

Князь становится передъ жертвенникомъ, всѣ собираются позади него. Справа, изъ-за колоннъ, что въ глубинѣ, выходитъ жрецъ, весь въ бѣломъ, другіе два жреца идутъ справа и слѣва.

ЖРЕЦЪ (останавливаясь передъ княземъ). — Добро пожаловать, князь, добро пожаловать, борцы.

Князь. — Мы пришли сложить наше оружіе къ подножью жертвенника храбраго Вахагна и поклониться его святому восходу.

ЖРЕЦЪ. — Да будетъ вамъ его святой восходъ защитой; да не ослабѣютъ руки ваши, да не притупятся мечи ваши, да не расколются щиты ваши. Да будетъ надъ вами благословеніе свѣтлаго, солнцеподобнаго Вахагна, надъ вами, побѣдителями въ жизненной борьбѣ, да будутъ всюду съ вами успѣхъ и побѣда.

Воины. — Съ нами успѣхъ, съ нами успѣхъ и побѣда!

Дѣвушки. — Съ вами благословеніе храбраго Вахагна!

ЖРЕЦЪ. — До восхода нашего свѣтлаго владыки еще довольно времени, князь. Садитесь и отдохните. Садитесь къ столу великаго Вахагна и великой Астхикъ. Садитесь и наслаждайтесь, вы, борцы въ великой жизненной борьбѣ, борцы и побѣдители, вамъ принадлежитъ побѣда, ваши и наслажденія.

Воины. — Намъ принадлежитъ побѣда, наши и наслажденья!

ЖРЕЦЪ. — Готовьте, дѣвушки, столъ владыки, готовьте столъ Вахагна и Астхикъ. Несите чистое вино и радость, несите вашу красоту и нѣгу, несите, пока мы удостоимся поклониться свѣто-рожденному Вахагну и пѣнорожденной Астхикъ. Готовьте, дѣвушки, столъ наслажденья.

IV.

Князь и воины передают шлемы и щиты оруженосцамъ, которые уносятъ это, проходя между колоннами. Часть дѣвушекъ убѣгаетъ влѣво межъ колоннъ; приносятъ цвѣты и въ изобиліи разбрасываютъ ихъ по столамъ; приносятъ вѣтвистые столовые канделябры и серебряные ковши съ виномъ; приносятъ золотыя и серебряныя чаши, стаканы и извилистые кубки изъ оленьихъ роговъ.

Во время этого приготовленія говорится:

Юноша (выдвигаясь).—Ну и жарко же мы бились!

Пожилый.—Да не прекратится въ жизни святая борьба!

Юноша.—Однако, они ужасно разбиты.

Другой (шутя).—Жалѣешь, такъ пощадилъ бы.

Князь.—Кто это тамъ говорить о пощадѣ? Въ жизненной борьбѣ, дѣти мои, никогда не щадите, никогда и никого. Пощада—слабость, жалость—пораженіе. Сокрушайте всѣхъ, кто противъ васъ, тѣхъ, кто преграждаетъ вамъ путь. Кто мѣшаетъ тебѣ тотъ—твой врагъ.

Юноша.—Сокрушайте, мы побѣдители!

Другой.—Какъ хорошо быть побѣдителемъ!

Юноша.—Быть побѣдителемъ и возвращаться послѣ борьбы.

Князь (подойдя къ своему почетному мѣсту за столомъ).—Пока же сядемъ за столъ владыки—справедливое воздаяніе за нашу жестокую борьбу.

Дѣвушки и воины садятся вперемежку. Многія дѣвушки остаются прислуживать. Нѣкоторыя изъ нихъ то и дѣло уходятъ и возвращаются. Оруженосцы выстраиваются въ рядъ за своими господами и застываютъ на своихъ мѣстахъ. Еще не всѣ разошлись, половина еще стоитъ въ это время.

Воинъ (беря стаканъ).—Да здравствуетъ борьба!

Дѣвушка рядомъ.—Да здравствуетъ борецъ!

Воинъ напротивъ.—Да здравствуетъ красота!

Другой.—Да здравствуетъ любовь!

Дѣвушки.—Борьба—жизнь міра.

Воины.—Любовь—наслажденіе міра.

Князь (смѣясь).—Постойте, постойте, не торопитесь, эй вы, борцы, эй вы, любовь... Не вспыхивайте такъ скоро, сидите спокойно, подчинимся старымъ обычаямъ. Готовьте чаши, я долженъ совершить возліяніе нашему великому богу.

Дѣвушки наполняютъ изъ кувшиновъ, что посрединѣ стола, чаши виномъ.

Глубокое молчаніе.

Князь (съ большимъ рогомъ вина, становится передъ жертвенникомъ, лицомъ къ занавѣсу и высоко держа рогъ).—Тебѣ, о великій богъ, мужественный Вахагнъ, ты солнце міра, ты жизнь и движеніе, ты

борьба и сила, ты свѣтъ и очищеніе, чести цѣнитель, славы хранитель, ты, что побѣдилъ подземныя бездны, надземный мракъ и всякую тьму, а также черныя тучи въ небесахъ, демона, дракона на краю вселенной, тебѣ, въ зарѣ рожденный, въ лучахъ рожденный, тебѣ я посвящаю этотъ рогъ наслажденья, полный благороднаго пьянящаго вина; ты, что даешь намъ опьянѣніе жизни и борьбы, владыка, прими наше возліяніе! (Роняетъ нѣсколько капель на огонь; вспыхиваетъ яркое пламя.)

Голоса со всѣхъ сторонъ.—Угодно... угодно... угодно...

Князь.—Возліяніе побѣдителя на жертвенникъ побѣдителя всегда угодно свѣторожденному. Выпьемъ. Да здравствуетъ жизненная борьба!

Всѣ (съ шумомъ, въ беспорядкѣ, сидя, стоя, чокаясь чашами). — Да здравствуетъ жизненная борьба!

Пьютъ и усаживаются. Молчаніе.

V.

Инокъ (дрожащими шагами выдвигается впередъ, стыдась и колеблясь, устремивъ взоры внизъ, протягивая руки). — Дайте чашу и мнѣ... Я тоже хочу выпить.

Всеобщее удивленіе и глубокое молчаніе.

Князь.—А ты зачѣмъ тутъ, черноризецъ?

Инокъ.—Дай и мнѣ чашу, я тоже хочу выпить. (Умоляюще). Только одну лишь чашу, князь, развѣ это такъ ужъ много? Одинъ разъ только, одинъ глотокъ только изъ твоего рога наслажденья.

Князь (презрительно).—Со стола владыки мольбой ничего не получается, несчастный, иди къ столу попрошаекъ!

Одинъ изъ воиновъ (насмѣшливо). — Эй, дружокъ, что тебя сюда занесло?

Юноша.—Носъ постника вино почуялъ!

Князь.—Вашей пустынь я дарую ежегодно десять мѣръ пшена съ моихъ полей; отправляйся и ѣшь!

Пожилой воинъ (насмѣшливо). — И молись своимъ богамъ за наши грѣхи.

Толстый воинъ.—Грѣхи... (Смѣется, держась за животъ.) Молись, молись за наши грѣхи... За наши безчисленные грѣхи.

Общій хохотъ.

Инокъ.—Ты не узнаешь меня, князь?

Князь.—Ну и безстыдникъ! (Разсерженно.) Уйдешь ты, наконецъ, или нѣтъ?

Пожилой воинъ.—Я узнаю тебя, я. Не изъ тѣхъ ли ты

низкихъ труповъ, что побросали мечи на землю и бѣжали отъ жизненной борьбы?

Юноша.—Вонъ, прочь, низкая тварь!

Другой.—Вонъ, трусишка!

Пожилой воинъ.—Не изъ тѣхъ ли ты глупцовъ, что пренебрегли самымъ лучшимъ даромъ нашего великаго Вахагна—жизнью и не захотѣли преклонить своей жалкой головы передъ его свѣтлымъ образомъ!

Всѣ.—Убирайся! убирайся!

Одинъ изъ воиновъ.—Вонъ изъ этого священнаго мѣста!

Юноша.—Богоотступникъ!

Пожилой воинъ.—Не изъ тѣхъ ли ты гордецовъ, что не захотѣли поклониться ни нашей пѣнорожденной богинѣ, ни ея дару—любви, ни женскоѣ красотѣ и очарованію?

Дѣвушка.—Выгоните этого гордеца.

Одна дѣвушка.—Безумецъ!

Пожилой воинъ.—Не изъ тѣхъ ли ты нечестивцевъ, что презираете тѣло, это чудное созданіе Вахагна и Астхикъ?

Одна изъ дѣвушекъ (показывая на сидящаго рядомъ воина).—Презирать это тѣло, это здоровое, это гибкое, это сильное тѣло!

Дѣвушка.—Нечестивецъ.

Юноша (показывая на сидящую рядомъ дѣвушку).—Это нѣжное, это красивое, это пышное тѣло!

Молодежь.—Нечестивецъ.

Инокъ (съ каждымъ словомъ все болѣе и болѣе удрученный, ниже опускаетъ голову и шагъ за шагомъ отходить назадъ. При послѣднихъ словахъ онъ уже сталъ на прежнее мѣсто за колоннами и не виденъ больше).

VI.

Князь.—Пусть, пусть убирается. Я долженъ совершить возліяніе. Берите чаши.

Всѣ наполняютъ.

Князь (взявъ рогъ, опять становится передъ жертвенникомъ и поднимая рогъ).—Тебѣ, о великая богиня, о пѣнорожденная Астхикъ, ты, что непорочна и прекрасна, подобно пѣнѣ, изъ которой ты встала, ты высшая красота, ты высшее очарованіе и нѣжность, подобно свѣту, который ты излучаешь, ты—источникъ любви, упованій и волненій, подобно волнамъ, что укачиваютъ тебя, тебѣ, въ морѣ рожденная, тебѣ посвящаю я этотъ рогъ наслажденья, полный благороднаго пьянящаго вина, ты, что даешь намъ наслажденье красотой и любовью, нѣгу и опьянѣніе. Прими, богиня, мое возліяніе. (Роняетъ нѣсколько капель на огонь; вспыхиваетъ яркое пламя.)

Голоса со всѣхъ сторонъ. — Угодно... угодно... угодно
Князь (возвращаясь на свое мѣсто). — Возліяніе побѣдителя
жертвенникъ красоты всегда угодно пѣннорожденной.

Всѣ (шумя, смѣясь, шутя, чокаясь кубками). — Да здравствуютъ л
бовъ и красота!

Пьютъ, садятся. Молчаніе.

VII.

Инокъ (выходитъ изъ своего угла и рѣшительно подходитъ къ толсто
воину, кладетъ руку ему на плечо и рѣзко). — Дай мнѣ мѣсто!

Общее изумленіе.

Толстый воинъ. — Опять, эй, попрошайка!

Инокъ (рѣзче и рѣшительнѣй). — Я тоже хочу сидѣть за эти
столомъ!

Толстый воинъ. — Нѣтъ тебѣ мѣста за этимъ столомъ.

Инокъ (раздраженно). — Я долженъ сѣсть за этотъ столъ!

Толстый воинъ. — Нѣтъ мѣста, говорятъ тебѣ; нѣтъ мѣ
здѣсь тому, кто безъ меча, кто присталь, какъ оводъ!

Инокъ (вдругъ обхватываетъ воина, поднимаетъ со скамьи и свалива
на землю).

Сначала царитъ всеобщее недоброжелательное волненіе, которое однако вск
уступаетъ мѣсто бурному, дружному хохоту.

Инокъ (опирается колѣномъ на скамью и ударяетъ кулакомъ по столу)
Я долженъ сѣсть за этотъ столъ!

Толстый воинъ (поднимается разъяренный, вынимаетъ мечъ и
брасывается на инока). — Прочь, наглець, не хочу осквернять эт
храмъ твоею нечестивой кровью!

Инокъ (твердыми и тяжелыми шагами подходитъ къ Толстому Во
одинъ моментъ она свирѣпо и пристально смотрять другъ другу въ глаза. Вд
иннокъ изо всѣхъ силъ ударяетъ противника въ руку, и мечъ того выпадаетъ
его рукъ. Инокъ тотчасъ же хватаетъ мечъ и говоритъ, опершись колѣномъ о
мейку): — Вотъ и мой мечъ, князь!

Всеобщее воодушевленіе, шумъ, восторгъ.

Дѣвушки (другъ другу). — Какая сила, какая сила!

Одна изъ дѣвушекъ. — Какая желѣзная рука!

Толстый воинъ. — Нѣтъ, князь, вѣдь ты видѣлъ наси
ты видѣлъ все, вѣдь это — мой мечъ.

Голоса. — Нѣтъ, нѣтъ, теперъ ужъ не твой!

Юноша. — Ты былъ опрокинутъ на спину!

Князь. — Мечъ принадлежитъ тому, въ чьей рукѣ онъ!

Всѣ. — Да здравствуетъ нашъ справедливый князь!

Голоса. — Молодецъ нашъ новый товарищъ.

Одинъ воинъ (подходя къ побѣжденному).—Извини, мой другъ, ты видишь, что тебѣ здѣсь больше не мѣсто!

Толстый воинъ.—Хорошо, я уйду. Но мы еще встрѣтимся, рноризецъ. Ты отдашь мнѣ мой мечъ или свою жизнь.

Инокъ.—Жизнь—можетъ быть.

VIII.

Голоса.—Вина побѣдителю!

Одинъ изъ молодежи. — Возьми его чашу. Теперь она моя.

Инокъ (бросаетъ кубокъ толстаго воина ему вслѣдъ).—Я не хочу чужихъ остатковъ!

Одна изъ дѣвушекъ (протягивая руки).—Возьми, храбрецъ, мою чашу!

Дѣвушки (протягивая свои чаши).—Возьми мою чашу... мою чашу, мою...

Инокъ.—Князь, я уже просилъ у тебя твой рогъ, тотъ рогъ, изъ котораго ты совершилъ возліяніе!

Князь (выливаетъ остатки изъ рога и даетъ ближайшей дѣвушкѣ, спокойно и серьезно).—Наполни и дай ему.

Дѣвушка (исполняетъ это и даетъ смѣясь, съ готовностью).—Возьми.

Князь. — Знай, пришелецъ, первая чаша всегда принадлежитъ Вахагну; таковъ старыи обычай міра.

Инокъ.—Первую чашу... первую чашу за вашимъ жизненнымъ столомъ я пью... по обычаю міра и жизни... я пью за борьбу; за борьбу, что тамъ въ выси, во мглѣ и облакахъ, какъ говорите вы; за борьбу, что въ міру, въ томъ міру, откуда приходите вы; за борьбу, которая тамъ въ морѣ, въ бурѣ, откуда приржу я.

Дѣвушки (заинтересованныя, перешептываются). — Съ моря... съ моря...

Инокъ.—Да будетъ благословенна жизненная борьба. (Пьетъ.)

Голоса.—На здоровье... на здоровье... Успѣха и побѣды тебѣ всегда!

Князь.—Прекрасно. Наполни вторую чашу.

Дѣвушки (суетаясь).—Вина, вина!

Дѣвушка (наполняетъ опять и передаетъ съ готовностью).—Возьми!

Князь. — Вторая чаша, пришелецъ, знай, всегда принадлежитъ Астхикъ; таковъ старыи обычай міра!

Инокъ.—Вторая чаша... Да, она принадлежитъ Астхикъ, той, которая, какъ говорите вы, родилась изъ обильной, красивой гѣны, вышла, порождая любовь, изъ волнующихся и кипящихъ

волнь, той, которая сбрасывает и увлекает тебя въ пропасти бурь. Эту чашу, князь, я пью за здоровье твоей дочери! (Пьетъ.)

ДѢВУШКИ.—Седа... Седа?...

Князь.—Моя дочь?

Всѣ (сильно взволнованные испуганно и выжидательно смотрятъ въ сторону князя.)

Пожилой воинъ.—Князь, твоя дочь?...

Князь.—Постой-ка, твое лицо мнѣ какъ будто знакомо.

Инокъ (нѣсколько пронически).—Теперь, князь, теперь, конечно, ты долженъ узнать.

ДѢВУШКИ (перешептываются).—Кто онъ? кто онъ? кто же онъ?

IX.

Жрецъ (показывается передъ занавѣсомъ).—Будьте готовы, побѣдители, и покиньте столъ. Восходъ заалѣлъ, море въ пурпуръ одѣлось, и освѣженная прохлада отряхаетъ сонъ съ очей своихъ, чтобъ поклониться великому Богу. Солнце, дарующее свѣтъ, и его спутница звѣзда скоро обнимутъ другъ друга. Будьте же готовы поклониться.

Всѣ (вскакиваютъ со своихъ мѣстъ, оруженосцы поспѣшно приносятъ шлемы и щиты, воины надѣваютъ ихъ, подходятъ къ жертвеннику и выстраиваются въ два ряда лицомъ къ занавѣсу, справа воины, слѣва дѣвушки).

Князь (подходя къ иноку).—Дай мнѣ руку и пойдемъ поклониться,—поклониться нашимъ великимъ богамъ!

Инокъ.—Поклониться?... новымъ богамъ?

Князь.—Старымъ богамъ, всегда старымъ и всегда новымъ. Идемъ!

Инокъ (стоитъ неподвижно и упорно, потупивъ взоры.)

Князь.—Идемъ, говорю тебѣ, скорѣе,—ты, который выпилъ за борьбу, ты, который выпилъ за здоровье моей Седа, ты долженъ идти. Дай мнѣ руку. (Беретъ его за руку и какъ бы насильно увлекаетъ между двумя рядами стоящихъ. Съ одной стороны жертвенника становится самъ, съ другой стороны оставляетъ инока.)

X.

За занавѣсомъ слышится нѣсколько переливовъ трубы, которые смѣняются пѣніемъ жрецовъ. Во время пѣнія постепенно раздвигается занавѣсъ, остальные же части картины постепенно погружаются во мракъ. Въ глубинѣ сцены возвышеніе представляетъ высоты Севана съ развалинами.

Справа стоятъ жрецы въ бѣлыхъ одеждахъ, съ золотымъ солнцемъ на груди, слѣва жрицы, всѣ въ бѣломъ, съ распущенными волосами, къ которымъ прикрѣплено по звѣздѣ. Поютъ жрецы и жрицы, отдѣльно и вмѣстѣ.

Въ глубинѣ новой сцены горизонтъ—полукругъ сливающихся неба и земли. Небо

алое, мѣстами желтое, море красное, мѣстами багряное. Во время пѣнія постепенно обрисовывается дискъ громаднаго солнца, которое восходить. Когда оно наполовину уже вышло изъ воды, оно раскрывается, какъ раковина устрицы, крышка падаетъ на поверхность воды въ видѣ солнечнаго сіянія. Раковина сверкаетъ внутри ослѣпительнымъ серебристо-жемчужнымъ сіяніемъ. И въ этомъ яркомъ сіяніи побѣдно стоитъ Вахагитъ, пагой, высокій и прямой, сильный и здоровый, съ простертой впередъ правой рукой, съ бѣлокурой бородой и волосами, причесанными по-ассирійски, со сверкающими глазами. Съ лѣвой стороны Вахагна на морскихъ травахъ и цвѣтахъ, склонившись въ нѣгѣ головой къ нему и слегка обнимая его, вся нагая, гибкая и нѣжная, стоитъ Астхикъ. Въ ея волосахъ блеститъ алмазная звѣзда, а на тѣлѣ видѣются нѣсколько пѣжныхъ стельковъ морской травы.

Пѣніе продолжается до тѣхъ поръ, пока раковина вся не раскроется.

Когда пѣніе вдругъ прерывается, слышится вновь призывной звукъ трубъ, и вся толпа тотчасъ же падаетъ ницъ въ благоговѣйномъ поклоненіи. Жрецы и жрицы склоняются по поясъ. Остается стоять только Инокъ, неподвижно, выпрямившись.

ЖРЕЦЪ (изъ толпы, грозно). — Поклонись, эй ты, чего остолбелъ!

ИНОКЪ (неподвиженъ.)

КНЯЗЬ (вполголоса, въ ужасѣ). — Поклонись, безумецъ!

ИНОКЪ (неподвиженъ.)

Седа (показывается вдругъ на ступенькахъ высокаго алтаря, спокойно продвигается впередъ и останавливается прямо передъ инокомъ; нѣжно и повелительно). — Поклонись, поклонись морю и его богу!

ИНОКЪ (сначала наклоняетъ голову, потомъ востепенно сгибаетъ колѣни и вдругъ падаетъ ницъ.)

Страшный грохотъ, и въ одно мгновение исчезаетъ все; тьма и глубокая тишина.

ХІ.

Когда густая тьма начинаетъ разсѣиваться, картина перемѣнилась. Сквозь понемногу пробивающійся слабый свѣтъ обрисовываются какъ разъ посредніи картины два ряда низкихъ и толстыхъ колоннъ.

Церковь... въ глубинѣ видѣются только двѣ зажженные свѣчи, передъ которыми два монаха попеременно читаютъ псалмы. За ними, полукругомъ, лицомъ къ ризницѣ, стоятъ монахи.

Мрачно и темно; служба тоскливая, монотонная. Среди молящихся — внезапное смятеніе.

ОДИНЪ ИЗЪ МОНАХОВЪ (шопотомъ другому, заставляетъ другихъ обернуться). — Воды, воды, воды ему въ лицо!

Слѣва изъ глубины появляются **два монаха**, которые, схвативъ инока подъ руки, выносятъ его. Инокъ слабъ и безъ сознанія. Отецъ Мовсесъ идетъ за ними, помогая...

ОТЕЦЪ АДАМЪ (быстро выходитъ справа изъ-за колоннъ, подходит къ отцу Мовсесу, когда инока уже пронесли, и шопотомъ). — Что, что такое, что случилось?

ОТЕЦЪ МОВСЕСЪ (шопотомъ).—Инокъ потерялъ сознание. Стоялъ передо мной, молился; вдругъ, смотрю — склонилъ голову, согнулся немного и всёю тѣломъ грохнулся наземь.

ОТЕЦЪ АДАМЪ.—Бѣдный иннокъ! Вѣрно всю ночь провелъ въ молитвѣ. Несите къ роднику, несите къ роднику. (И возвращается на свое старое мѣсто.)

ОТЕЦЪ МОВСЕСЪ (сѣвшій за уходящими.)

И вновь все спокойно, вновь явственно слышится голосъ псаломщиковъ, монотонный, унылый, усталый.

ПЕРВЫЙ ПСАЛОМЩИКЪ.—Нѣсть исцѣленія въ плоти моей отъ лица гнѣва твоего.

ВТОРОЙ ПСАЛОМЩИКЪ.—Нѣсть мира въ костехъ моихъ отъ лица грѣхъ моихъ.

ТРЕТИЙ ПСАЛОМЩИКЪ.—Яко беззаконія моя превзыдоша главу мою, яко бремя тяжкое отяготѣша на мнѣ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПСАЛОМЩИКЪ.—Возмердѣша и согниша раны моя отъ лица безумія моего.

Во время чтенія псалмовъ медленно, очень спокойно опускается занавѣсъ, такъ что нѣсколько послѣднихъ словъ слышно уже за занавѣсомъ.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

Комната княгини.

Маленькая уютная комната съ низенькимъ потолкомъ, вся убранная коврами. Въ глубинѣ софа, около нея низенькій стульчикъ. Въ углу, на бѣломъ фонѣ, черное красивое распятіе на бѣломъ узкомъ столѣ. По обѣимъ сторонамъ его въ двухъ вазахъ букеты бѣлыхъ розъ. Съ потолка свѣшивается цвѣтной арабскій фонарь. Входъ справа и слѣва.

I.

Княгиня неподвижно, выпрямившись, стоитъ передъ софой. Чуть дальше, противъ нея, близъ двери стоитъ игумень. Взоры обоихъ устремлены въ землю.

Игумень (спокойно и официально).—То связало насъ, то порождено нами, въ томъ наша связь; но между нами не должно быть никакой связи, между нами должна порваться всякая связь!

Княгиня (поднимая голову, тоже спокойно).—Монахъ, никто не можетъ разрушить эту церковь, ни ты, ни я и ни одинъ чело-вѣкъ; ея основаніе заложено въ сердцахъ нашихъ!

Игумень (строго).—Ея основаніе, княгиня, зиждется на грѣхѣ.

Княгиня.—Какъ на грѣхѣ?

Игумень.—Да, на грѣхѣ.

Княгиня (гордо).—Грѣхъ всегда былъ чуждъ мнѣ и всегда мнѣ чуждымъ останется!

Игуменъ.—Женщина, ты опять хочешь обманывать?

Княгиня (пораженная).—Обманывать?

Игуменъ.—Да, обманывать и лицомърить.

Княгиня.—Я!

Игуменъ.—Ты, ты. Что удивляешься? Ты, ты, которая всю жизнь обманывала и постоянно лицомърила. Долгіе годы обманывала ты того человѣка, который ввелъ тебя въ свой домъ, къ свою жену; ты обманывала своихъ дѣтей, которыя, жаждая ласки, приходили въ твои объятія; обманывала и завывала глаза окружающимъ, обманывала и меня, хотя, правда, давая мнѣ обѣщаній, не произнося ни слова, обманывала и бя, воображая себя мученицей, ты, которая тотчасъ же послѣ смерти мужа прибѣжала сюда строить со мной новое зданіе, воздвигать храмъ богу своего лицомърія. (Замолкаетъ на время.)

Княгиня (стоитъ, гордо выпрямившись, насупивъ брови; ни движенія, звука.)

Игуменъ.—Конечно, вѣдь твой богъ—это любовь! О софистка! Что такое любовь? и богъ есть богъ чьей любви: самки и мца? Женщина, грѣхъ—имя твое, лицомъріе—душа твоя, чувства—міръ твой! На грѣхѣ построена эта церковь!

Княгиня.—Все?

Игуменъ.—Я сказалъ, что долженъ былъ сказать.

Княгиня.—Итакъ, дверь раскрыта!

Игуменъ (обижено).—Княгиня!

Княгиня.—Что? Иди, иди разрушать!

Игуменъ.—Это мой долгъ; я сознаю его, но и ты должна исполнить свой долгъ.

Княгиня.—А именно? Чего ты хочешь?

Игуменъ.—Ты должна немедленно удалиться отсюда, изъ амакаберда.

Княгиня.—Удалиться... ты такъ приказываешь?

Игуменъ.—Я сказалъ, что долженъ былъ сказать.

Княгиня.—Приказываешь? (Съ внезапнымъ бурнымъ гнѣвомъ.)
то ты, и что тебѣ здѣсь нужно... здѣсь, предо мной, кто ты?

Игуменъ.—Я... я монахъ, княгиня... удалившійся въ пустыню.

Княгиня.—Самъ ты—пустыня и чуждъ, чуждъ моей душѣ, какъ и всѣ. Всю жизнь прожила я среди чужихъ и сама была ужою всѣмъ... чужая и одинокая; одинокая въ толпѣ придворныхъ, одна единешенька въ своемъ же дворцѣ, въ своей родной землѣ, одна всегда. И единственной свѣтлой звѣздочкой была для меня та мысль, что далеко, далеко живетъ другая душа—

какъ и моя—одинокая, какъ и моя—покинутая, какъ и моя—тоскующая, сестра моей души, понимающая меня и тяжелый крестъ, который я несу, близкая мнѣ и любящая меня. (Замолкаетъ на мгновение.)

Игуменъ (стоитъ въ неподвижномъ напряженіи, сжавъ кулаки, въ позѣ, какъ бы готовый для борьбы.)

Княгиня.—Я вырвалась изъ этого ужаснаго, изъ этого вѣчнаго, изъ этого съ ума сводящаго одиночества и пріютилась здѣсь, чтобъ, наконецъ, быть вмѣстѣ съ той душой, жить вмѣстѣ, вмѣстѣ возводить зданіе съ той одинокой душой, которая понимаетъ меня, которая всю мою жизнь была близка мнѣ, даже вдали. И вотъ какъ понимаетъ меня эта единственная душа! Я—женщина, я—грѣхъ, я—самка, я—обманщица! (Гвѣвно.) Уходи, удались!

Игуменъ.—Кончай, и я уйду.

Княгиня.—Мнѣ нечего кончать съ тобой. Жила я всегда одинокая и чужая, одинокая и чужая сойду я въ могилу. Безуміе—бороться противъ судьбы. Иди, иди разрушать, сваливай камни, мой храмъ уже рухнулъ!

Игуменъ (сурово).—Извини, княгиня, если я сказалъ лишнее. Я говорилъ больше самъ съ собой, чѣмъ съ тобой. Я захотѣлъ, чтобы истина нагой предстала передъ нами, я захотѣлъ раскрыть глаза намъ обоимъ.

Княгиня.—И раскрылъ, благодарю.

Игуменъ.—Я сожалѣю, если то, что ты увидѣла раскрытыми глазами, не то, что бы ты хотѣла видѣть. Такъ ужъ на свѣтѣ: если хочешь видѣть то, чего желаетъ сердце, смотри закрытыми глазами.

Княгиня.—Вѣрно.

Игуменъ.—Этой истинѣ я у тебя научился ровно 25 лѣтъ тому назадъ. Извини, княгиня, думаю, что всѣ наши счеты сведены.

Княгиня.—Сведены и всѣ мои счеты съ жизнью.

Игуменъ.—Сведи свои счеты съ небомъ! Прощай, княгиня!

Княгиня (стоитъ молчаливая и неподвижная, пока игуменъ, опустивъ голову, спокойно выходитъ. Убитая, княгиня медленно, какъ бы безсознательно, опускается на софу, руки ея безсилно падаютъ, одна на софу, другая на колѣни, безжизненный взглядъ останавливается на одной точкѣ).

II.

Старуха (входитъ изъ пртивоположной двери).—Ты одна?

Княгиня (грустно кивая головой).—Одна, одна...

Старуха.—Ушелъ?

Княгиня.—Кто?

Старуха.—Игумень.

Княгиня.—Не знаю.

Старуха.—Что же онъ сказалъ?

Княгиня.—Кто?

Старуха.—Игумень.

Княгиня.—Не знаю. (Помолчавъ.) Принеси мнѣ... то...

Старуха.—Что?

Княгиня.—Планъ.

Старуха.—Церкви?

Княгиня (грустно киваетъ головой).

Старуха (выходитъ въ ту же дверь и вскорѣ возвращается со свиткомъ въ рукахъ).—Возьми! (Удаляется къ распятію.)

Княгиня (молча развертываетъ свитокъ, недолго смотритъ на него, поднимаетъ, цѣлуетъ и медленными, размѣренными движеніями начинаетъ рвать, сдерживая рыданья, между тѣмъ какъ грудь ея сильно вздымается и беззвучно и обильно стекають слезы.)

Старуха (обернувшись, пораженная).—Что это дѣлаетъ княгиня?

Княгиня (дрожащимъ голосомъ).—Не видишь,—рву.

Старуха.—Рвешь, зачѣмъ?

Княгиня.—Ужъ... ужъ кончено...

Старуха (радостно).—Кончено, готова церковь?

Княгиня.—Да, кончено.

Старуха.—Что ты говоришь? Поздравляю, княгиня. Зачѣмъ же ты грустишь?

Княгиня.—Грущу... кто... я? Совсе нѣтъ. Развѣ не видишь, старуха, какъ я рада, какъ счастлива! Не видишь... я плачу.

Старуха (испуганная и взволнованная).—Да, моя княгиня плачетъ. (Склоняясь передъ ней.) Плачетъ госпожа моя. Я еще не слышала твоего плача, а сколько горя и боли ты видѣла. И что это за странный плачь, плачь радости!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Келья ипока. Ночь. Горитъ лампада.

Инокъ лежитъ на кровати; у изголовья, выпрямившись, какъ статуя, сидитъ слѣпой. Въ ногахъ, на краю постели сидитъ отецъ Сямонъ и, часто позѣвывая, перебираетъ четки.

Молодой монахъ (стоитъ у стола, играетъ пламенемъ лампады, въ раздумьѣ, медленно говоритъ).—И сколько, сколько, однако, такихъ безумцевъ. Вотъ всѣ тѣ міряне. Несчастные! Слава Тебѣ, Господи, что просвѣтилъ Ты нашъ разумъ.

Отецъ Симонъ (зѣвая).—Слава Тебѣ, Господи!

Молодой монахъ.—Хоть бы кто спросилъ ихъ: о, люди, что нашли вы въ этихъ невзгодахъ, въ этомъ изнурительномъ трудѣ, въ этой нуждѣ, въ этой долигѣ борьбы и огорченій, имя которой—миръ? Что за глупый расчетъ! Ради немногихъ ничтожныхъ удовольствій жертвовать вѣчнымъ блаженствомъ своей будущей жизни!

Инокъ (лежа, не мѣняя позы, раздѣльно).—Святой отецъ, видѣлъ ли ты когда-нибудь восходъ солнца?

Молодой монахъ.—Что?

Инокъ.—Быль ты когда-нибудь въ храмъ солнца?

Оба монаха въ изумленіи смотрять другъ на друга.

Молодой монахъ (подходить къ иноку и кладеть ему руку на лобъ).—Холодный; ты не спишь, иннокъ?

Инокъ.—Я не сплю. Я проснулся, когда взошло солнце... А вы... вы?...

Молодой монахъ.—Мы разговариваемъ, иннокъ.

Инокъ.—Слышу, разговариваете. Иди, смотри на восходъ солнца.

Отецъ Симонъ (дѣлаеть знакъ рукой, чтобъ тотъ оставилъ больного въ покоѣ и не отвѣчалъ; вставая).—И вправду, святой отецъ, поздно ужъ, пойдемъ, пусть отдохнетъ и онъ. Спокойной ночи, иннокъ. Засни хорошенько эту ночь и завтра все пройдетъ. (Направляется къ выходу.)

Молодой монахъ.—Выздоровливай, иннокъ!

Инокъ (раздѣльно, не мѣняя позы).—Видѣлъ ли ты когда-нибудь восходъ солнца, спрашиваю я?

II.

Слѣпой (прислушивается, удалились ли они, затѣмъ наклоняется къ постели инока, шопотомъ, таинственно).—Я... я видѣлъ восходъ солнца.

Инокъ (вскакиваетъ проворно и наполовину садится, опираясь на руку, показывая пальцемъ на слѣплого).—Ты... ты... ты видѣлъ... ты, слѣпой?

Слѣпой (медленно киваетъ головой).

Инокъ.—Ты, ты видѣлъ храмъ солнца этими глазами?

Слѣпой.—Да, видѣлъ вотъ этими глазами и выкололъ ихъ, чтобы не видѣть больше.

Инокъ (въ ужасѣ).—Выкололъ свои глаза?

Слѣпой (тономъ чтенія).—Отсѣки и отбрось тотъ членъ, что искушаетъ тебя, такъ написано.

Инокъ.—И ты выкололъ свои глаза?

Слѣпой.—Да!

Инокъ.—Выколоть свои глаза вот этими руками?

Слѣпой.—Нѣтъ, не руками, силой своей воли. Обратись къ своей вѣрѣ, и горы сдвинутся съ мѣстъ; что въ сравненіи съ ними глаза, чтобъ остаться на мѣстѣ.

Инокъ (подумавъ, съ сомнѣніемъ).—И ты говоришь, что поклонился солнцу.

Слѣпой.—Да, я согрѣшилъ, иннокъ, и вотъ почему понимаю тебя, вижу твою душу и говорю: „осторожнѣй, то дьяволь пробудился въ тебѣ, твой черный дьяволь“.

Инокъ.—Такъ вотъ что понялъ ты! Меня влечетъ свѣтъ и красота, меня влекутъ боги къ себѣ.

Слѣпой.—Всѣ дьяволы были тоже богами когда-то, иннокъ. Это побѣжденные боги, и ты долженъ побѣдить ихъ.

III.

Игуменъ (входитъ грустный и согбенный).—Привѣтъ вамъ.

Слѣпой (встаетъ).

Игуменъ (подходя къ постели).—Какъ ты себя чувствуешь? Только что вернулся съ суши; говорить, ты звалъ меня.

Инокъ.—Да, я слышу свѣжесть моря, что вѣетъ отъ твоей одежды.

Игуменъ.—Я только что сошелъ съ плота.

Инокъ (восторженно).—Съ плота... съ плота...

Игуменъ (сурово).—Зачѣмъ ты звалъ меня?

Инокъ (помолчавъ).—Отецъ, я поклонился старымъ богамъ.

Игуменъ (сурово и зло).—Очень естественно.

Инокъ.—Что?

Игуменъ.—Конечно, конечно, я ожидалъ... Вѣдь онъ общалъ тебѣ своего коня, свой мечъ и свою родную дочь... какъ знать, можетъ быть, придетъ день—и свой княжескій скипетръ!

Инокъ (обиженно).—Отецъ!...

Игуменъ.—Конечно, конечно! Ради всего этого стоитъ отречься отъ Бога. (Внезапно разсердившись.) Но меня, зачѣмъ ты звалъ меня сюда?

Инокъ.—Кого же мнѣ было звать, отецъ игуменъ?

Игуменъ.—Ты ошибся. Позови отца Антона.

Инокъ.—Отецъ!

Игуменъ.—Только плоть отца Антона перенесетъ тебя туда... гдѣ твое сердце...

Инокъ.—Ты гонишь меня?

Игуменъ.—Я посылаю тебя въ твой желанный міръ.

Инокъ (горько, но спокойно).—Посылаешь меня въ мой міръ.

Но кто далъ тебѣ право по желанію вырвать меня изъ міра и по желанію же бросить обратно въ міръ?... Кто далъ тебѣ право связать мою душу, сковать мои чувства? Кто далъ тебѣ право стать теперь передо мной и укорять меня?

Игуменъ (сломленный).—Ты правъ. Я хотѣлъ невозможнаго. Я хотѣлъ освободить тебя отъ того длиннаго извилистаго пути огорченій и мукъ, по которому только доходитъ человѣкъ до этой святой обители. Я хотѣлъ невозможнаго. Сними вериги и уходи!

Инокъ.—Мнѣ уйти, зачѣмъ и куда?

Игуменъ.—Въ міръ.

Инокъ.—Въ міръ? (Молча качаетъ головой и говоритъ злобно.) Нѣтъ, настоятель, мой міръ здѣсь, вотъ на этомъ островѣ, я здѣсь позналъ старыхъ боговъ и здѣсь буду имъ поклоняться.

Игуменъ (смотреть удивленно, потомъ говоритъ медленно и рѣшительно).—Нѣтъ! ужь этого я не допущу, инокъ!

Инокъ.—Допустишь, ты самъ хотѣлъ, этого... Я не видѣлъ другого міра, я здѣсь построилъ свой міръ.

Игуменъ (рѣзко).—Послушай! Здѣсь скитъ и святое мѣсто, гдѣ съ этихъ поръ ты—мірской гость, случайный паломникъ, а ты знаешь, что правъ у паломника только на три дня... (Къ выходу.)

Слѣпой.—Игуменъ, ты слишкомъ строгъ.

Игуменъ (полуобернувшись).—Нѣтъ, святой отецъ, онъ былъ боленъ, и я уступилъ, ибо ты слышалъ, я ему далъ цѣлыхъ три дня. Но по истеченіи трехъ дней плоть отца Антона долженъ доставить его на берегъ. (Уходитъ.)

IV.

Инокъ.—Плоть... плоть...

Слѣпой.—Забудь тотъ плоть, инокъ. Забудь этотъ колеблющійся мостъ, что связываетъ тебя съ міромъ, забудь эти сплетенныя другъ съ другомъ два бревна!

Инокъ.—Сплетенные другъ съ другомъ... да, другъ съ другомъ сплетенные.

Слѣпой.—Еще не поздно; задуши въ себѣ эти воспоминанія, побѣди стараго дьявола, и пусть все это превратится въ болѣзнь, которая нашла на тебя и прошла. (Протягивая надъ нимъ руки.) Уповай на Бога, инокъ! (Идя къ выходу, на подорогѣ.) Ночью, если тебѣ нужно будетъ, постучи въ стѣну, приду помочь тебѣ.

Инокъ.—Чѣмъ можешь ты помочь мнѣ, ты, слѣпой, ты, который выкололъ себѣ глаза?

Слѣпой (ощупью ищетъ выхода).—Какъ-нибудь помогу, инокъ; ощупью, ощупью. Постучи въ стѣну, если нужно будетъ. (Уходитъ.)

V.

Инокъ (обнявъ колѣни, сидитъ на кровати нѣкоторое время неподвижно, потомъ насмѣшливо говорить, качая головой).—Ощупью, ощупью... и говорить: забудь плоть...

СЕДА (чуть обрисовывается въ дверяхъ).—Забудь, забудь плоть.

Инокъ (вздвигнувъ, шопотомъ).—Седа!

СЕДА.—Забудь и Седа.

Инокъ.—Мнѣ забыть тебя?

СЕДА.—Забудь меня, я твой черный дьяволъ.

Инокъ.—Ты бѣлое крыло моей души. Я сидѣлъ одинокій и печальный на пескѣ пустыни, и ты пришла и окружила мою жизнь, вернула чувствамъ ихъ природу и дала море моему сердцу, море,—откуда рождается солнце, гдѣ я разъ обнималъ тебя.

СЕДА.—Забудь, забудь все это! Еще не поздно, будь снова тѣмъ, чѣмъ ты былъ, подумай... тебѣ дали цѣлыхъ три дня.

Инокъ.—Нѣтъ, Седа, ужъ нѣтъ возврата; и не могу и не хочу. Я поклонился твоимъ богамъ, я совершилъ возліаніе твоимъ богамъ, я выпилъ изъ рога наслажденія. Я тебя только жажду теперь, я только объятій твоихъ хочу теперь.

СЕДА (подвигаясь впередъ, раскрывая объятія).—Приди, я твоя...

Инокъ (тоже сгибаясь впередъ съ кровати).—Седа... но вѣдь ты только греза.

СЕДА.—Приди и будь и ты самъ грезой.

Инокъ.—Грезой?

СЕДА.—Приди опять туда...

Инокъ (испуганный и удивленный).—Въ море?

СЕДА.—Туда, гдѣ разъ уже обнималъ меня.

Инокъ.—Гдѣ ты въ моихъ объятіяхъ дрожала каждой частицей своего тѣла.

СЕДА.—Гдѣ дрожали волны и завывала буря.

Инокъ.—Гдѣ подъ ударами моими кипѣла пѣна.

СЕДА.—Приди, приди туда, если хочешь вновь обнять меня, только туда.

Инокъ.—Приди, какъ только вновь заволнуются воды, какъ только вновь заплѣнится море. (Постепенно становится въ постели на колѣни.) Да, когда заволнуются воды, когда заплѣнится море.

СЕДА.—Приди, сплетемся, и я понесу тебя въ своихъ объятіяхъ изъ пропасти въ пропасть, изъ міра въ міръ, изъ сферы въ сферу, понесу тебя къ новымъ неизвѣстностямъ, къ тѣмъ новымъ мірамъ, о которыхъ ты и твой міръ не имѣете никакого понятія. Приди!

Инокъ.—Приду. Первый разъ, когда я обнялъ тебя, пер-
мной раскрылось столько неизвѣстнаго; я приду вновь объ-
тебя, и пусть вновь раскроются новыя неизвѣстности.

СЕДА.—Приди, я понесу тебя далеко, далеко отъ узкихъ п-
дѣловъ твоей жизни, понесу тебя къ новому существованію,
новымъ формамъ, къ новому бытію.

Инокъ (увлеченный).—Къ новой, къ новой жизни!

СЕДА.—Приди слиться съ моремъ, слиться со свѣтомъ и т-
ломъ, слиться со мной и Астхикъ, слиться съ Вахагномъ и
гамн.

Инокъ.—О поскорѣй, о поскорѣй!

СЕДА (отступая).—Какъ только заволнуются воды, какъ тол-
запѣнится море...

Инокъ (сдавленнымъ голосомъ).—Какъ только заволнуются вс-
какъ только запѣнится море...

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Площадь передъ церковью.

. То же самое, что во второй картинѣ перваго дѣйствія. День.

I.

Собрались монахи и взволнованно разговариваютъ. Инокъ, молчаливый и се-
доточенный, стоитъ, прислонившись къ дереву.

Молодой монахъ (удивленно).—Что ты говоришь? Что
говоришь?

Отецъ Адамъ.—Кто слыхалъ что-либо подобное?

Отецъ Лазарь (съ насмѣшкой).—Ха-ха-ха! Игуменъ по-
рился съ церковью!

Отецъ Симонъ.—Перестань такъ непочтительно смѣять

Другой монахъ.—Но вѣдь правда, что онъ не приход-
въ церковь?

Отецъ Адамъ.—Гдѣ онъ теперь?

Одинъ изъ монаховъ.—Удалился въ келью. Вѣрно,
таетъ или молится.

Старый монахъ.—Охъ, ужъ это чтеніе. Нѣтъ, не къ де-
все это.

Отецъ Симонъ.—Старикъ, подумалъ ли ты о томъ, что
воришь?

Старый монахъ (удаляясь).—Я ничего не сказалъ.

Отецъ Симонъ.—Онъ нашъ глава, нашъ руководителъ

Старый монахъ.—Я ничего не сказалъ. (Уходитъ.)

ОТЕЦЪ СИМОНЪ (выходя за нимъ).—Постой, постой, святой отецъ!

ОТЕЦЪ ДАВИДЪ (задумчиво).—Правда, высокомѣріе, это—смертный грѣхъ.

ОТЕЦЪ АДАМЪ.—Человѣкъ долженъ быть кроткимъ и смиреннымъ.

Одинъ изъ монаховъ.—Смираннымъ, смиреннымъ...

Другой монахъ.—Кроткимъ и смиреннымъ.

Всѣ трое уходятъ.

ОТЕЦЪ ЛАЗАРЬ (какъ бы самъ съ собой).—Игуменъ поссорился съ церковью! (Стараясь заглушить смѣхъ, выходитъ за ними.)

II.

Инокъ все такъ же недвижимъ у дерева.

ОТЕЦЪ ДАВИДЪ (единственный, оставшійся изъ группы, сначала стоитъ; задумавшись, затѣмъ качаетъ головой съ видомъ человѣка, ничего не понимающаго, и подходитъ къ иноку).—Ты слышалъ, иннокъ, слышалъ?

Инокъ.—Слышу, слышу... оставь меня, не мѣшай слушать.

ОТЕЦЪ ДАВИДЪ (удивленно).—Что?

Инокъ (показывая вглубь).—Вотъ, прислушайся!

ОТЕЦЪ ДАВИДЪ.—Что это?

Инокъ (тайнственно).—Воды волнуются, воды начали волноваться...

ОТЕЦЪ ДАВИДЪ. Эхъ, ничего не подѣлаешь,—ночью, вѣрно, буря будетъ.

Инокъ (сильно взволнованный).—Буря... буря?

ОТЕЦЪ ДАВИДЪ (равнодушно).—Можетъ быть, погода измѣнилась.

Инокъ (внезапно схвативъ товарища за руку).—Значитъ, въ эту ночь,—ты думаешь въ эту ночь?

ОТЕЦЪ ДАВИДЪ.—Какъ ты дрожишь! Бѣдный иннокъ, съ той самой бури ты напуганъ, успокойся, успокойся. Идемъ въ церковь, помолись, сердце облегчится.

Инокъ (внезапно).—Идемъ на берегъ.

ОТЕЦЪ ДАВИДЪ.—На берегъ?

Инокъ.—Идемъ, я хочу видѣть наступленіе бури. Но... но одинъ не могу... Знаешь, манить... будто притягиваетъ, притягиваетъ. (Крѣпко прижимается къ дереву.)

ОТЕЦЪ ДАВИДЪ.—Лучше поди, ложись, иннокъ. Напрасно ты такъ рано поднялся, въ твоихъ глазахъ еще жаръ. Пойдемъ, я поведу тебя въ келью.

Инокъ (медленно опускается и садится, задѣвая спиной за дерево).— Оставь, оставь, оставь меня. Оставь, я хочу видѣть наступленіе бури.

Отецъ Давидъ (стоитъ около инока, не зная, что предпринять.)

III.

Одинъ изъ монаховъ (вбѣгая).—Игумень! игумень! Слышится голоса, заглушенный шумъ и поодинокѣ, попарно и попеременно входятъ монахи, суровые и задумчивые. Приходить и выстраиваются одинъ возлѣ другого.

Одинъ монахъ ведетъ слѣпого.

Слѣпой.—Но въ чемъ дѣло, что случилось?

Его проводникъ.—Сказалъ уже—не знаю, отецъ игумень приказалъ.

Одинъ изъ монаховъ.—Тише, пришелъ.

Отецъ Давидъ (какъ бы пробуждая инока).—Встань, инокъ, — игумень.

Инокъ (осматривается и встаетъ.)

IV.

Игумень (грустный, медленно выходитъ изъ глубины. Всѣ здороваются. Бросаетъ на толпу молчаливый долгій взглядъ).—Всѣ тутъ?

Голосъ.—Всѣ, отецъ игумень.

Игумень (садится на высокій камень. Выжидательное молчаніе).— Мнѣ нужно вамъ сообщить нѣчто. (Подумавъ.) Видите эту церковь, которая почти закончена и гдѣ ужъ столько времени возносимъ мы молитвы нашему Богу. Но церковь эта не посвящена нашему Богу.

Всеобщее удивленіе и движеніе.

Отецъ Симонъ.—Что ты сказалъ, отецъ игумень!

Игумень.—Эта церковь не посвящена нашему Богу. Когда я строилъ эту церковь, я еще не былъ оторванъ отъ міра. (Перешептываніе.) Я думалъ, что былъ оторванъ. Мы всѣ, оставившіе міръ и пришедшіе въ пустыню, принесли все же съ собой большой осколокъ міра въ глубинѣ нашей души, тайную внутреннюю тоску по удовольствіямъ, мелкую жажду скрытыхъ наслажденій, тонкую липкую сѣть нашей прошлой жизни, борьбы и волненій и невольныя воспоминанія. Все это было еще съ нами, когда мы строили эту церковь. Эти тайныя скрытыя волненія построили эту церковь; этотъ съ нами изъ міра пришедшій осколокъ міра построилъ эту церковь. Эта церковь принадлежитъ міру, а не Богу. Мы не можемъ больше молиться подъ ея сводами. Эти своды должны быть разрушены.

Голоса (пораженные, ужаснувшиеся).—Разрушены! разрушены!

Отецъ Адамъ.—Наша церковь разрушена!

Молодой монахъ.—Наша новая церковь разрушена.

Игуменъ.—Да, мы должны разрушить ее и построить новую.

Голоса (удивленіе и насмѣшка).—Новую... новую...

Игуменъ.—Новую. И эту новую церковь мы сами должны строить. Золото, пришедшее изъ міра,—даръ мірскихъ чувствованій, мастера, пришедшіе изъ міра,—мірскія понятія, мірское искусство. Только самъ человѣкъ можетъ построить храмъ, посвященный его Богу, своей спиной, своими руками, своимъ разумомъ. Какую форму приметъ наша новая церковь, я еще и самъ опредѣленно не знаю. Подумаемъ вмѣстѣ и создадимъ.

Старый монахъ (пронически).—Что мы за мастера, отецъ игуменъ! Что можемъ мы построить, если даже захотимъ!

Игуменъ.—Воля—все, старикъ, пожелай и построишь, если имѣешь вѣру въ силу своей воли, величинной хотя бы съ горчичное зерно!

Старый монахъ.—Эхъ, прошли тѣ времена!

Игуменъ.—Нѣтъ, не прошли, еще не пришли тѣ времена; черезъ мою новую церковь должны мы пойти навстрѣчу тѣмъ временамъ.

Старый монахъ.—Послушай, отецъ игуменъ, послушай меня старика. Ты много читалъ и искажилъ свой умъ. Ты вступилъ на ложный путь! Не мудрствуй, это путь еретиковъ!

Игуменъ (гордо).—Это путь апостоловъ, этотъ путь прошелъ самъ Христосъ.

Отецъ Лазарь.—Ухъ... слышите?

Шопотъ и огорченіе.

Старый монахъ.— Не говори такъ безразсудно, отецъ игуменъ!

Отецъ Адамъ.—И съ такимъ самомнѣніемъ.

Отецъ Антонъ.—И оставь въ покоѣ насъ и нашу церковь, намъ не нужны постройки новой формы; эта форма перешла къ намъ отъ нашихъ дѣдовъ.

Одинъ изъ монаховъ.—Мы не каменщики и не мастера.

Отецъ Адамъ.—И не пришли сюда возводить и разрушать стѣны.

Другой монахъ.—Мы пришли сюда отдыхать.

Отецъ Закарья.—Да, отдыхать и молиться.

Молодой монахъ.—И зачѣмъ разрушать нашу новую красивую молельню? ничего не понимаю, какой смыслъ, зачѣмъ?

Отецъ Закарья.—Церковь, на которую потрачено столько денегъ и труда!

Отецъ Лазарь.—И что скажемъ мы князю, княгинѣ, которые взяли на себя всё расходы?

Голоса (смѣшанные).—Конечно... конечно... князь... княгиня.

Отецъ Закарья.—И кто послѣ этого будетъ давать десять мѣръ пшена, припасы, столько даровъ?

Голоса (смѣшанные).—Конечно... конечно... пшеница... припасы.

Отецъ Адамъ.—Оставь въ покоѣ насъ и наше житье!

Отецъ Закарья.—Дастъ ли намъ хлѣба та церковь, которую ты собираешься строить?

Отецъ Давидъ.—Какъ бы ни былъ скуденъ нашъ столъ, а хлѣбъ нуженъ, чтобы жить!

Старый монахъ.—Чтобъ забота о жизни не давила насъ.

Отецъ Мовсесъ.—Чтобъ она не мѣшала нашей молитвѣ.

Старый монахъ.—Опомнись, отецъ игумень, пока еще не поздно, и оставь нашу пустыню въ покоѣ и тишинѣ.

Игумень (сначала стоитъ растерянный подъ градомъ упрековъ, затѣмъ поднимаетъ голову и смотритъ изумленно на окружающихъ).—Вы... тутъ... вокругъ меня... я... тутъ... между вами... Я вашъ настоятель... вы моя братія... мной учрежденная. Братія... что за союзъ между мной и вами. Какъ будто пелена спадаетъ съ глазъ... Какъ это случилось, что я не понималъ такой ясной вещи, такой очевидной... До этихъ мѣстъ, до пустыни, могли мы идти вмѣстѣ... До этихъ предѣловъ можно довести человѣка, но дальше, дальше человѣкъ ужъ самъ долженъ идти. Вы правы... эта церковь должна остаться, это—ваша церковь; войдите, войдите туда, она дастъ вамъ безконечныя молитвы и утѣшеніе... она раскроетъ вамъ врата рая... освободитъ васъ отъ всѣхъ дьяволовъ, она дастъ вамъ и вашъ хлѣбъ, и вашъ покой; войдите туда, и да будетъ миръ съ вами! Но это не то, чего я ищу; я ищу труда, внутренняго, неустаннаго, свободнаго исканія, безконечныхъ внутреннихъ завоеваній: за высью высь, за крѣпостью крѣпость, черезъ пропасти сомнѣній, съ восхожденіями и паденіями, непрерывнымъ полетомъ ввысь, изнурительнымъ трудомъ по пути къ истинѣ. Войдите, войдите въ свою церковь, я же пойду строить мою церковь... но на этотъ разъ я... только одинъ я. Я построю зданіе, жилище, достойное моего Бога, храмъ, подъ сводами котораго ни одно слово мною возносимой молитвы не будетъ ложнымъ, ни одинъ отзвукъ моихъ словъ не зазвучитъ пусто!

Отецъ Давидъ (насмѣшливо).—Гдѣ же, отче игумень, ты возведешь твое новое зданіе?

ОТЕЦЪ ЛАЗАРЬ (смѣясь).—Изъ чего оно будетъ, изъ гранита или изъ мрамора?

ИГУМЕНЬ.—Гранитъ и мраморъ, кремень и всякій камень я оставляю мірекимъ богамъ. Основаніемъ моего храма будетъ мой разумъ, колоннами—моя воля, куполомъ—моя вѣра!

СТАРЫЙ МОНАХЪ.—Слишкомъ шатко, игумень, основаніе твоего новаго зданія.

ИГУМЕНЬ (спокойно).—Шатко—такъ рухнетъ.

ОТЕЦЪ ДАВИДЪ.—И послѣ того?...

ИГУМЕНЬ.—Построю новое.

СТАРЫЙ МОНАХЪ.—Но этому конца нѣтъ!

ИГУМЕНЬ.—А ты хочешь, чтобъ былъ конецъ. Пока живемъ, мы должны строить, должны строить храмъ нашему Богу... должны строить и разрушать; всегда и всегда строить, но никогда, никогда не кончать... Какъ только кончимъ... это ужъ не Божій храмъ, а (показывая на церковь) кумирня...

ОТЕЦЪ ЛАЗАРЬ (разъяренно).—Поносить, поносить нашего Бога!

ИГУМЕНЬ.—Только самыя низкія души могутъ поносить Бога, которому нѣкогда поклонялись. Но я вижу, что мы не понимаемъ другъ друга... Прощайте, да будетъ съ вами Богъ!

Хочетъ уйти, но изъ толпы выдѣляется ИНОКЪ и преграждаетъ путь.

ИНОКЪ.—Постой!

ИГУМЕНЬ.—Въ чемъ дѣло? Можетъ, хочешь вновь со мной? Иди, я знаю, твоя душа способна на полеть...

ИНОКЪ.—Постой! Скажи... съ твоего зданія будетъ виденъ восходъ солнца?

ИГУМЕНЬ.—Забудь солнце и его восходъ, чтобъ взошелъ для тебя восходъ восходовъ, чтобъ засвѣтило тебѣ солнце солнць!

ИНОКЪ.—Постой. Скажи... съ твоего зданія будетъ слышенъ вотъ этотъ шумъ? (Показывая вглубь.) Слышишь?

ИГУМЕНЬ.—Какой шумъ? Я слышу волнующееся море.

ИНОКЪ.—Да, вотъ это.

ИГУМЕНЬ.—То, чего ищешь ты, дитя, это—первая церковь человѣка, первоначальная!

ИНОКЪ.—Нѣтъ, ужъ ты не обманешь меня словами пренебреженія. Говори прямо, скажи, донесется ли до твоей церкви шумъ моря?

ИГУМЕНЬ.—До моей церкви не донесется ни одно наружное волненіе, ни одинъ наружный шумъ. Если хочешь со мной, покинь надежду на солнце и море.

Инокъ (давая дорогу).—Проходи въ такомъ случаѣ.

Игуменъ (удаляясь).—Жаль, иннокъ, твоя мысль имѣла крылья когда-то!

Инокъ (вслѣдъ).—Жаль, отецъ игуменъ, твое сердце имѣло крылья когда-то!

Слѣпой (простирая руки).—Я... я хотѣлъ бы съ тобой...

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

Высокій берегъ моря.

Справа и слѣва—скалы. Каменная земля постепенно возвышается и въ глубинѣ образуетъ утесистый заливъ моря. Ночь. Волненіе на морѣ.

I.

У утеса страшный шумъ волнъ.

Волны, похожія на женскія тѣла, виднѣются до пояса и стараются повиснуть на скалѣ, но только на мгновеніе,—опѣ тотчасъ же съ плескомъ падаютъ внизъ. Безпрерывное волненіе и шумъ; волны сталкиваются, увлекаютъ одна другую, и въ этомъ смятеніи слышится:

Разныя волны (отрывисто, подхватывая слова предыдущей).—

Эй, пропадешь!
 Ты не дойдешь!
 Къ камню прижмись!
 Крѣпче держись!
 Я лечу, лечу!
 Мѣсто плечу!
 Дошла, дошла!
 Уже ушла!
 Шла, шла...
 Теченьемъ захвачены!
 Смятеньемъ охвачены!
 Какъ шипимъ мы!
 Какъ шумимъ мы!
 Тише, тише!
 Выше, выше...
 Плещемся!
 Тѣшимся!
 Нашла?
 Шла, шла...
 Ищу!
 Эй, не пуцу!
 Постои, молчи!

Нѣтъ, закричи!
Такъ закричимъ?
Кричимъ!
Кричимъ!

Группа волнъ (вмѣстѣ).—Эй, слышишь ли, слышишь?

Страсть и желанье въ каждомъ кипить...
Эй, чуешь ли, чуешь?
Воды волнуются, море манить...

Другая группа (удаляясь, насмѣшливо).—Нѣтъ, лучше же,
лучше—

Сиди, себя мучь же!

Голосъ изъ первой группы (издалека).—Эй, слышишь ли,
слышишь?

Страсть и желанье въ каждомъ кипить...
Эй, чуешь ли, чуешь?...

Черезъ нѣкоторое время у утеса воцаряется тишина и явственнѣе доносится
глухой шумъ бури.

II.

Инокъ (выбѣгаетъ изъ-за скаль, его волосы растрепаны, одежда въ безпорядкѣ, глаза блуждаютъ).—Я пришелъ... пришелъ... (Вдругъ останавливается, третъ лобъ, оборачивается и говоритъ сердито).—Ну, прощай островъ, прощай, пустыня, прощайте и вы, темные своды храма, прощайте, мои молитвы, и окуриваніе ладаномъ моей души; прощай и ты, неумолимый и мстительный Богъ, къ которому я обращалъ свои желанья и молитвы. И ты прощай, моя келейка, моя одинокая, нѣмая келья, ужъ не вернусь къ тебѣ... Вонъ, еще горитъ тамъ внутри тусклый свѣтъ моей лампы... Къ утру онъ, покинутый, долженъ погаснуть и ужъ никогда не зажжется... Пусть гаснетъ!

Сильный порывъ вѣтра.

Инокъ (вздрагиваетъ, поворачивается къ морю и тоскливо простираетъ руки).—Раскрой объятья, Седа, простири руки, вотъ и волнение водъ, и набѣгъ бури; раскрой объятья, я снова припаду къ твоему благоухающему тѣлу, снова, дыханье къ дыханью, подъ напоромъ волнъ, пойду я къ новой большой неизвѣстности, къ новому существованію и новой жизни, къ той, которую ты мнѣ обѣщала... (Дѣлаетъ шагъ впередъ.) Раскрой объятья, Седа!

III.

Отецъ Симонъ (спрыгиваетъ съ верхней скалы прямо къ иноку и преграждаетъ ему путь, запыхавшись).—Постой! (Схватившись за грудь.) Задыхаюсь, задыхаюсь!

Инокъ (застыгнутый врасплохъ, сурово).—Прочь съ дороги!

Отецъ Симонъ.—Постой, несчастный!

Инокъ (готовый къ борьбѣ).—Не преграждай пути!

Отецъ Симонъ.—На твоёмъ пути тьма и пропасть.

Инокъ.—Отстанись, человѣкъ!

Отецъ Симонъ.—Бойся этой тьмы и пропасти!

Инокъ (разъяренно).—Эй, довольно, прочь съ вашими пропастями и тьмой, прочь съ вашими безконечными страхами. Страхъ передъ свѣтомъ и радостью, страхъ передъ тьмой и страданіемъ, страхъ передъ богами, страхъ передъ адомъ. Прочь, очисти путь! Тамъ нѣтъ ни тьмы, ни пропасти! Передо мной лишь море и буря!

Отецъ Симонъ.—Передъ тобою смерть, несчастный!

Инокъ.—Смерть—вашъ страхъ и выдумка вашего страха!

Отецъ Симонъ.—Боже мой, онъ сошелъ съ ума!

Инокъ.—Смерть это тутъ, вотъ эта ваша пустыня, эта жизнь въ страхѣ и умираніи, а тамъ—свобода, волненіе и движеніе, тамъ жизнь, я хочу въ лоно жизни! (Вдругъ сильно толкаетъ монаха и опрокидываетъ его.) Прочь съ пути! Я хочу жить, жить... Седа!... (Бросается въ море.)

Отецъ Симонъ (полуприподнявшись съ земли, въ ужасѣ, сдавленнымъ голосомъ).—Погубилъ, погубилъ свою душу!

Тишина, шумъ волвъ.

IV.

Изъ-за скалъ постепенно приходятъ монахи, съ развѣвающимися отъ вѣтра одеждой и волосами.

Отецъ Адамъ.—Гдѣ онъ, гдѣ?

Отецъ Давидъ.—Ты видѣлъ?

Отецъ Закарья.—Въ какую сторону онъ прошелъ?

Отецъ Лазарь (вбѣгая).—Гдѣ онъ, гдѣ?

Отецъ Симонъ (показывая на море).—Вотъ... тамъ...

Толпа (въ ужасѣ, вполголоса).—Въ морѣ.

Отецъ Симонъ.—Погибла его душа!

Одинъ изъ монаховъ.—Охъ, проклять этотъ утесъ, отсюда одинъ отшельникъ бросился въ море.

Слѣпой (входитъ, повиснувъ на рукъ другого монаха, задыхающійся и крайне взволнованный, простирающій впередъ обѣ руки).

Одинъ изъ монаховъ.—Пришелъ его слѣпой, его слѣпой.

Слѣпой (останавливается и, выпрямившись во весь ростъ, не двигаясь, произноситъ во всеобщей тишинѣ).—Правда, это правда?

Всѣ (молчать, какъ окаменѣлые.)

Слѣпой (поднимая руки).—Значить... Боже мой...

Отецъ Лазарь.—Да... это мечь Божья... Желаніе разрушить церковь не можетъ остаться безнаказаннымъ. Мечь старшему пала на главу самаго младшаго.

Отецъ Мовсесъ.—Ахъ, нашъ бѣдный, нашъ добрый, нашъ чистый инокъ!

Отецъ Адамъ.—Смиранный и добрый, скромный и святой. Толпа.—Онъ былъ святымъ, святымъ.

Отецъ Закарья.—Спустимся на берегъ, братья,—можетъ найдемъ трупъ, хотя бы трупъ.

Молодой монахъ.—Пойдемъ, притащимъ плотъ.

Отецъ Антонъ.—Трудно, но необходимо притащить плотъ.

Слѣпой.—Плотъ?

Отецъ Антонъ.—Удивительная вещь, самъ отъ моря спасъ чужую жизнь, а свою отдалъ морю...

Молодой монахъ.—Пойдемъ, пойдемъ, поищемъ!

Отецъ Мовсесъ (устремивъ глаза вверхъ, съ пророческимъ видомъ).—Слушайте, братья, если Господь сжалятся и мы найдемъ трупъ, мы должны похоронить его у порога храма. Жертвеннаго тельца закалываютъ у порога храма.

Отецъ Давидъ.—Господь говоритъ твоими устами: похоронимъ у порога храма.

Толпа (удаляясь).—Похоронимъ, похоронимъ у порога храма!

(Всѣ уходя, забываютъ слѣпорого, который остается одинъ.)

V.

Слѣпой (разбитый).—Идите... хороните у порога вашей церкви... у порога старыхъ боговъ... о, могучи... сильны старые боги... еще слишкомъ сильны.

Голосъ.—Напрасно выкололъ себѣ глаза.

Слѣпой (съ глубокимъ волненіемъ, въ ужасѣ).—Кто это, кто дерзаетъ?

Голосъ.—Напрасно выкололъ себѣ глаза.

Слѣпой (въ страхѣ, отшатнувшись).—Чей это голосъ? Я хотѣлъ бы заглянуть вглубь твоихъ глазъ...

Голосъ.—Напрасно выкололъ себѣ глаза...

Слѣпой.—Напрасно?!

Перевела Србуи Лисиціанъ.